

Мария Мусина

**Во что бы то ни
стало**

18+

Мария Мусина

Во что бы то ни стало

«Автор»

2022

Мусина М.

Во что бы то ни стало / М. Мусина — «Автор», 2022

Россия 90-х. Разрушился привычный мир социалистической страны. Врачи торгуют компьютерами, адвокаты, словно бандиты, выходят на большую дорогу, бандиты организуют агентства, призванные охранять честных граждан, юноши зарабатывают, как придется – ремонтом квартир или оказанием интимных услуг, журналисты-международники сочиняют и реализуют квартирные аферы, художники рисуют фальшивые деньги... В это непростое время герои романа «Во что бы то ни стало» пытаются сохранить себя, свою любовь, свои нравственные ценности. И жизнь – свою и своих близких. Сегодня, когда в России кризис вновь меняет устоявшийся порядок вещей – события, описанные в романе, выглядят, как воспоминание о будущем.

© Мусина М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Мусина

Во что бы то ни стало

Все возможные совпадения с конкретными людьми и обстоятельствами являются исключительно случайными.

Фамилии изменены.

Права честных граждан защищены – поскольку в повесть вкралась юридическая ошибка, данное литературное произведение непригодно в качестве пособия для нарушителей закона.

ПРОЛОГ

Время действия: 19 апреля 1999 года.

Место действия: Москва, морг.

Колесики каталки, ритмично поскрипывая, скользили по присыпанному хлоркой кафелю. Йорик знал: сейчас, у двери, там, где отсутствует одна плитка, нужно будет толкнуть каталку посильнее. Чтобы не застряла.

– Ну, вот что, нельзя плитку вставить? – плаксиво запричитал он еще на подходе к препятствию. – Что, уже нет средств всего лишь для одной плитки? Что, нанялся я тут, что ли, надрываться? И так каждый день, каждый день... всю жизнь, всю жизнь...

Этот старый, почти слепой санитар всегда на что-то жаловался и всегда чувствовал себя крайне несчастным. За что его и прозвали – Бедный Йорик. Таков был здешний, морговский юмор.

Йорик все же преодолел препятствие и покатил каталку дальше. Тело, накрытое белой простыней, чуть вздрагивало на неровностях пола.

– Ну что их вскрывать? Нет, ну зачем вскрытые проводить, – не унимался бедный Йорик, – когда и так все ясно. Вон, вся грудь в кровянице. Пулевое ранение, уж у меня-то глаз наметанный. Вон дамочка лежит – у ней тоже – пулевое. А у этого вот господина хорошего – ножевое ранение. Чего тут вскрывать-то? Время тратить, государственные средства – тоже. Ну, чего вот тут вскрывать, когда все ясно и без песен. Люди опытные, знающие – написать заключение и не терзать больше покойничков. С них уже хватит, мирского-то нашего, хватит, хватит... Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие. Все чего-то вскрывают, вскрывают. А что вскрывать-то? Все и так ясно...

Йорик подтолкнул каталку ближе к двум таким же уже стоящим в полутемном холодном зале. Поочередно откинул с покойников простыни. Низко склонился, подслеповато вглядываясь в лица – женщины и двух мужчин.

– Ничего себе дамочка, – хмыкнул, причмокивая губами, – красивая. И как же тебя угораздило, красивая, а? А как же магнетизм души, как же магнетизм души?..

Бедный Йорик потянул носом: от волос покойницы все еще пахло духами.

– Господи, как же я не люблю покойников, да, да, да, – с гримаской крайнего недовольства посетовал бедный Йорик, – и холода, холода здешнего, запаха формалина не переносу, нет, нет...

Вспыхнул яркий свет, и Йорик в страхе отпрянул от мертвецов.

– Опять? – сказал вошедший человек в бледно-зеленой шапочке и такого же цвета пижаме.

За ним, переваливаясь на слоновьих ногах, тащила поднос с хирургическими инструментами пожилая толстая санитарка в белом.

– Я только посмотрел, – заплакал бедный Йорик, – только посмотрел.

– Что на них смотреть-то? – неожиданно тоненьким для ее могучего тела голосом заговорила санитарка. – Понимал бы что-нибудь, а то – посмотрел, посмотрел...

– Правда что, – хохотнул человек в светло-зеленой пижаме, – резать их надо, резать, чего на них смотреть-то?

– Я слепой почти, – пуще заплакал Йорик, – я не вижу ничего. Ничего не вижу, не вижу, не вижу...

– Сейчас посмотрим, – сказала санитарка, – сейчас мы все увидим. Все-все-все...

Глава 1

Время действия: до 19 апреля 1999 года.

Место действия: Москва.

Ключ никак не мог попасть в замочную скважину. Сумка соскользнула с руки, пакет молока громко шмякнулся и смачно лопнул. За дверью надрывался телефон.

– О, господи, – задыхаясь, бормотала Юлия. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, давай, открывайся, ну же...

Наконец дверь отомкнуть удалось. Юлия стремглав ворвалась в квартиру, тяжело дыша, дотянулась до телефона. Она очень боялась, что на том конце провода трубку уже положили. Слишком долго возилась с замком, слишком долго.

– Алло, – сказала все же с надеждой.

– Здравствуйте, – приятный женский голос звучал удивительно безмятежно. Особенно по сравнению с этим Юлиным смятенным «алло». Женщина на том конце провода даже удивилась немножко Юлиной тревоге. – Я по поводу обмена. Вас не смущает дом с газовой колонкой?

– Смотря какой дом и где, – придерживая дыхание, уточнила Юля.

– Десять минут от метро Таганская, – как само собой разумеющееся, произнес голос в телефонной трубке.

Юля встрепенулась:

– Что за квартира?

– Пятый этаж восьмиэтажного кирпичного дома. Пятьдесят четыре метра общая площадь. Комнаты девятнадцать и пятнадцать. Кухня семь с половиной. Балкон. С Андроньевской площади виден этот дом.

Юля подошла к окну. С высоты ее восьмого этажа площадь, некоторое время носившая имя революционера Прямикова, и серая церковь на ней выглядели маленькими, уютными и немного нереальными, словно макет в музее. Андроньевский монастырь был правее и из Юлиного окна не просматривался. А дальше, на той стороне площади, торчал розоватого кирпича дом. Сколько раз Юля сетовала на то, что этот дом заслоняет ей полный вид на Красную площадь: «Либо взорвать, либо переселиться в этот дом». – «Никто нам там квартиру не предложит», – отвечал на это Алеша, и Юля с ним минорно, но легко соглашалась. Конечно, не предложат. Это было бы слишком хорошо, так хорошо, как не бывает.

– Так мы можем переглядываться, – стараясь не выдать своего волнения, сказала Юля, – у меня шестнадцатиэтажная бело-салатовая башня по другую сторону площади.

– Да-да, я вас тоже вижу...

«В конце концов, – подумала Юля, – рано или поздно должны же мои усилия увенчаться успехом».

– Замечательно, – вежливо-холодно подытожила она, – в принципе нам подходит. Но – надо смотреть.

– Разумеется!

– Сегодня вечером... Муж придет с работы... Вам удобно сегодня вечером? Меня зовут Юлия.

– Елена.

– Очень приятно.

– И мне, Юлия, очень приятно познакомиться. Вы с кем съезжаетесь?

– С мужем.

– А я с мужем размениваюсь. С бывшим мужем, – задумчиво сказала Лена. – Кто-то теряет, кто-то находит. Когда-то мы тоже сменялись. Теперь вот размениваемся. Что поделаешь? Диалектика...

– Вы еще встретите свое счастье, – Юля отреагировала машинально, дежурным утешением, – непременно встретите...

– Да, и тогда снова будет обмен, – горько рассмеялась Лена.

И Юле стало неловко за свою бездушность. Когда у тебя в семейной жизни все хорошо, очень легко стать самодовольной, черствой и перестать чувствовать боль других людей.

– Лена, простите меня, я, наверное, слишком бодро сказала, но ведь и в самом деле, отчаиваться не стоит. В конце концов, развод – это еще не конец жизни. Наоборот, начинается новый этап. Может быть, он будет даже лучше, чем предыдущий.

– О, Юля, наверняка лучше, – вздохнула Лена, – и в этом смысле я полна оптимизма. Потому что хуже – уже некуда. Да. Если бы вы видели моего мужа... Вернее, нет, впечатление-то он может произвести. С виду-то он вполне ничего, сохранный. А вот если бы вы с ним имели несчастье пожить вместе... Вы бы мне сейчас не сочувствовали, а радовались за меня.

– Пьет, – догадалась Юля.

– Хуже.

– Голубой, – ахнула Юля.

– Юля, Юля, вижу, вы совсем еще наивны и неопытны. Если бы мой муж был голубым, я бы с ним дружила. Если бы он был алкоголиком или наркоманом, я бы его лечила, и поддерживала, и сочувствовала бы ему. Хо, с ними еще жить можно, с алкоголиками и наркоманами. Подозреваю, что и с голубыми тоже. Но мой бывший муж, Юлия, не алкоголик и не наркоман. К сожалению. Все гораздо трагичнее и нелепее. Он – маменькин сынок. А это – не лечится вообще, потому что это не диагноз даже, а черт-те что.

– Да, могу себе представить, – пролепетала Юля.

– Так что все хорошо. Надоело, правда, разводиться. Это у меня не первый муж-то. Ну, ничего.

– Надо верить в то, что все будет хорошо, обязательно...

– Конечно, Юля, конечно. И спасибо вам на добром слове. Так вы придете сегодня посмотреть квартиру?..

Юля положила трубку и подумала: хорошо все же, что у нее уже есть Алеша и не надо кого-то искать и пристально смотреть в будущее – вдруг там, в будущем-то, все же не найдется близкого человека, и вновь и вновь придется распалить холодеющий оптимизм и снова напряженно вглядываться в будущее с надеждой. Утомительно.

Торжествуяще огляделась вокруг. Стрелба, сколько смогла захватить, валяющиеся тут и там газеты с разноцветно обведенными, мелким бесом напечатанными объявлениями. Потащила кипу к мусоропроводу. Все! Наконец-то! Вариант найден!

Отворив дверь, споткнулась о пропитавшийся молоком коврик и повернула обратно. Сложила отмеченные страницы аккуратной стопкой. Сколько раз уже в жизни такое было – очарование несбыточным. Поманит и пропадет, спрячется, растает. Рано сжигать мосты.

Юлия взяла тряпку, постояла было на пороге, махнула рукой, сложила аккуратно коврик, дотащила до мусоропровода. С эффектным звуком ускоряющегося падения коврик полетел в бездну.

«Не говорите мне о нем, не говорите мне о нем, – запела Юлия, возвращаясь в квартиру. – Он виноват, что я бледна, что людям верить перестала-а-а...»

«Диалектика! Отрицание отрицания, переход количества в качество и еще что-то там, третье, забыла уже, – подумала Юлия, – начинается все хорошо, а в результате получается, что все плохо. И наоборот, случается что-то плохое, а потом выясняется, что все, что ни делается, все к лучшему».

Юлия отыскала трубку радиотелефона и принялась пальцем тыкать в кнопки.

– Алеша! Я тебя прошу приехать пораньше. Зачем? Сюрприз. Говорю же: сюрприз! Хорошо, скажу. У нас вариант наклеивается. Как чего вариант? Вариант обмена. Обмена. Квартирного. Ну, да. И нас сегодня позвали посмотреть квартиру. Как ты думаешь, где? Нет, ты угадай. На Малой Коммунистической... О, представь себе. Тот самый дом, который нам обзор загораживает. Ты рад? Нет, ты скажи, ты рад? Не буду тебя отвлекать больше. Я договорюсь, что мы придем смотреть квартиру в семь. Не опаздывай. Целую.

Да, сегодня положительно удачный день.

Юля пребывала в добром расположении духа вплоть до семи часов. Даже с минутами. А точнее, злиться она стала уже непосредственно в половине восьмого. В восемь, когда появился Алеша, Юлия уже поднакопила изрядный заряд желчи и негодования.

– Пробки, – оправдывался Алеша.

– У тебя всегда пробки! Было ли когда-нибудь такое, чтобы ты не опаздывал?

– У меня просто много дел!

– Я же тебя просила! Специально просила!

– На дороге пробки.

– Пробки на дорогах у всех. Но не все опаздывают!

– Не будь такой занудой!

– Я!?! Ты опаздываешь, а я – зануда?! Есть ли предел несправедливости?! Люди добрые!

Он опаздывает, а я же еще и виновата кругом!

Переругиваясь, впрочем, беззлобно, они дошли до нужной двери.

– Простите, Лена, мы припозднились.

Пол в коридоре покрыт стареньким линолеумом. Обои старые обшарпаны. Зато потолки высокие.

– Квартира, конечно, требует ремонта, – говорила Лена. – Тут до нас с Виктором была коммуналка. Сразу, когда сюда въехали, ремонт мы делать не стали. А потом уже собрались разводиться. Не до ремонта.

Лене, должно быть, уже стукнуло годков сорок. Может, даже и с хвостиком, но поскольку она коротко стриглась, была стройна, а глаза ее блестели, то выглядела существенно моложе своих лет. Рядом с ней тридцатипятилетняя круглолицая и белокурая Юля смотрелась если не старше, то солидней. Впрочем, внешность, как известно, обманчива. «Буду худеть, – решительно подумала Юля, – иссушу себя всю. Пусть и у меня будет такой мечтательный взгляд, возвышенный. Когда женщина худая, то некая изысканность, утонченность есть в ее облике. А когда круглолицая, то к ней трудно относиться иначе как к обжоре, которая только и думает, что о харчах. Никакой романтики!»

Дверь одной из комнат плавно раскрылась и обнаружила молодого человека. Юлия вздрогнула и прижалась к Алеше. Эффект неожиданности!

А молодой человек был вовсе даже не страшный, а очень даже красивый, а его голый торс впечатлял своей мускулистой фактурой.

– Это Клим, – небрежно сказала Лена, – он строит у меня стенной шкаф «Stenley».

При этих словах молодой человек почему-то обиженно засопел и спрятался за дверь.

– Вот, посмотрите, – Лена вошла вслед за Климом в комнату.

Шкаф строился с размахом и занимал целую стену. Одному мускулисту Климу такое строительство было бы, конечно, не под силу. Рядом с ним пытел вполне одетый напарник.

– По бартеру достался, – сказала Лена, – шкаф я имею в виду. Не отказываться же. Вам останется. В качестве компенсации за ремонт...

– Ремонт – это не так уж страшно, – лукавила Юля, прохаживаясь по квартире. – А вид из окна у вас какой? Вид из окна для нас очень важен: у нас из окон даже Кремль виден. Да, да, и колокольня Ивана Великого... Вдалеке, конечно.

Здесь пейзаж Юлию и Алешу вполне удовлетворил. Не Кремль, конечно. Но – та же серая церковь на Андроньевской площади, что видна и из их окна, Андроньевский монастырь, дальше – Симоновский, и все это вперемешку с какими-то настойчиво устремленными ввысь ржавыми трубами и безобразными прямоугольными гигантскими зданиями промышленного и жилищного назначения из стекла и бетона. Типичная такая московская эклектика.

– Что же, – подытожила Юля, – теперь вы должны наши площади посмотреть. Мою квартиру можно хоть сейчас. Хотите?

Лена стояла, прислонившись к дверному косяку, скрестив на груди руки, и грустно смотрела, как Юля и Алеша оценивают жилплощадь, которая некогда была семейным гнездом, с которой были связаны надежды... У Юли сжалось сердце. Захотелось как-то Лену утешить. Но как?

– Может быть, прямо сейчас к нам и пойдём? Посидим, чаю выпьем. А?

– Что я? – пожалала плечами Лена. – Виктор должен комнату посмотреть. От него все зависит. Он посмотрит, скажет свое слово, тогда уже я. Он сегодня поздно, наверное, придет. Если вообще придет... В любом случае, как только он объявится, я ему велю вам позвонить. Может быть, кофе, чай?

– Нет, нет, спасибо, спасибо...

* * *

– Как дела?

– Все замечательно.

– Главное, не спешить, не спешить. И еще раз не спешить.

– Да вроде у нас обмен адекватно выглядит. Я сразу сказала: дескать, газовая колонка, не возражаете против дома с газовой колонкой? Не смущает вас это? Так что, вроде, пока все нормально идет.

– Посмотрим, посмотрим.

– Я постараюсь с ней подружиться. Сойтись с ней поближе. Чтобы не сорвалась с крючка.

– Какая ты кровожадная.

– Я – кровожадная. Я – вампир. Маньячка! Я жажду крови!

– Прости.

– Как будто все это я делаю для себя! Но не волнуйся, я постараюсь обойтись без морей крови. Разве что какая-нибудь лужица.

– Прости, я не хотел тебя обидеть...

– Ты мне просто не доверяешь.

– Доверяю.

– Нет.

– О, началось. Я, пожалуй, пойду погуляю.

– Вот, вот, говорю же, что ты мне не доверяешь. Поэтому и не любишь, когда я за руль сажусь. Именно поэтому, а не потому, что машину водить – не женское дело. Психологически ты мне не доверяешь.

– Лена, я тебя умоляю: остановись.

– Разве я давала тебе повод?

– Лена!

– Я когда-нибудь тебя обманывала?

– Лена, да послушай же ты меня!

– Нет, ты мне ответь.

– О, господи, не обманывала, нет.

- Нет, ты не вздыхай, глаза не закатывай. Ты мне по-настоящему ответь.
 - Нет, нет и еще раз – нет.
 - Ты серьезно мне скажи!
 - О, боже мой, что ты от меня хочешь?
 - Я хочу, чтобы ты ко мне серьезно относился.
 - Я отношусь к тебе очень серьезно. Более чем.
 - Более чем что?
 - Не цепляйся к словам.
 - Ну, конечно, я самая ужасная из всех. Я – враг народа! Я цепляюсь к словам, я от тебя чего-то невероятного хочу все время, я развязываю скандалы.
 - А что, нет?
 - Вот видишь...
 - О, только не это, только не плачь.
 - Сам доведешь меня до слез, а потом выходит, что я еще и истеричка.
 - Леночка, милая, успокойся.
 - Я понимаю, я замучила тебя своим несносным характером...
 - Ну что ты, ну, успокойся, пожалуйста...
 - Разве я не вижу, Витя, как тебе со мной тяжело...
 - Мне с тобой легко. Мне с тобой хорошо. Ты замечательная, ты самая лучшая, только не плачь...
 - Ты живешь со мной из жалости...
 - Лена, что ты такое говоришь...
 - Я извожу тебя своим несносным характером...
 - Дурочка, ты просто несмышленная дурочка. Не забывай, что я все-таки психотерапевт, укрощать несносные характеры – моя профессия.
 - Ах, вот оно что...
 - Лена...
 - Стало быть, ты ставишь на мне эксперименты...
 - Лена!
 - А я-то думала...
 - Лена, прошу тебя, я же пошутил.
 - Ты – шутишь. Ты только и делаешь, что шутишь.
 - О, боже мой, боже мой...
- Лена хлопнула дверь. Спустилась быстро по лестнице. Не ждать лифт. Пройтись, отвлечься. Перестать нервничать и успокоиться.
- На улице серо и противно. Подсушенные вечерним морозцем лужи, умирающий снег. Скоро весна! Даже это не вдохновляет.
- Ужасно! Хотя, если в двадцать лет кое-кто: «уж не жду от жизни ничего я», – то что говорить о Лене.
- «Господи, куда иду? Зачем? Принять успокаивающую таблетку, и жизнь покажется другой. Все так просто. Не в первый раз. Да, пора, пора быть мягче и снисходительнее. Особенно к чужим недостаткам».
- Кого я вижу! – раздалось над Лениным ухом.
- Лена сумела додумать мысль до конца: «Да, да, пора быть мягче и снисходительнее», – и только тогда обернулась.
- Привет, – усмехнулась.
 - Что это мы веселые такие? – угрожающе проревел коренастый наголо стриженный качок.

Лена посмотрела ему в лицо, туда, где между двух плюшек опухших век колыхались влажные бессмысленные огоньки. И удержалась от того, чтобы пошутить.

Качок выматерился и подтолкнул Лену к стоявшей на обочине сиреневой «ауди». Лена не стала сопротивляться. К чему лишние унижения?

Зажатая с двух сторон гогочущими и отпускающими сальные шутки громилами, она молчала, стараясь сосредоточиться. Впрочем, ее линия поведения была давно и до мельчайших деталей продумана. Лена даже перед зеркалом иногда репетировала выражение лица. Главное – выглядеть безусловной идиоткой. Вконец запуганной, загнанной и задавленной дурочкой. Впрочем, и страх тоже не надо было наигрывать. Страх у Лены был, да еще какой! Но страх – всего лишь защитная реакция организма, составная инстинкта самосохранения, предупреждение об опасности. И у людей чувство страха внешне проявляется по-разному. У одних – глубокой атрофией конечностей и полной отключкой мозгов. У других – истощающей мобилизацией силы воли и почти не проявляющимися при каких-либо иных обстоятельствах способностями трезво и объективно оценивать ситуацию. Случаются, разумеется, и промежуточные варианты, но они все тяготеют к одной из двух крайностей. Или – или. Третьего, на самом деле, не дано.

– Ой, ой, хорохорится-то как. Зря, зря ты, гагара, чебучишь. Без базару: перо под бок – и пикнуть не успеешь. Колись, стервоза, когда бабки будут, ну?..

Лена молчала. Она точно знала, что эти бандиты ничего ей не сделают. Сейчас, во всяком случае. Нет у них таких полномочий. Это – акция устрашения, не больше. Но нервишки у мальчиков расшатаны неумеренным увлечением алкоголем и наркотиками. А стало быть, несанкционированные эксцессы тоже возможны.

– Ну, что молчишь, шкурка?

– А что говорить? – сказала Лена почти то, что думала.

– Слышь, Жора, она, падла, нами гребует. И разговаривать даже не желает, кошка драная.

– Да ладно вам, ребята, – примирительно сказал тот, кто был за рулем.

Лена бросила благодарный взгляд на седой бобрик его затылка.

– Ну, что ладно, что ладно-то, Жор. Варнатку из себя строит. Правилу ей устроить – быстро в себя придет.

– А мы щас, – хохотнул тот, что был слева от Лены, – щас Жору остановиться попросим где-нибудь в тихом месте. Так, может, ей понравится даже.

Лена увидела, как водитель внимательно посмотрел в зеркальце заднего вида, надеясь уловить ее реакцию. Видимо, он у них тут за старшего был, ситуацию контролировал. Конечно, надо было хотя бы показать, что она сильно боится этих безмозглых бычков на веревочке. Бычки нешуточно зверели, если видели, что кто-то их не боится, поскольку тогда терялся смысл их существования. Бычкам тогда становилось физически плохо – расстраивалась вегетатика, их начинало подташнивать, болела голова, в кровь выбрасывало гормоны, от которых тело сковывал первобытный, животный ужас. Как всякие простейшие, бычки инстинктивно быстро находили противоядие дискомфорту – если только было возможно, начинали спешно выбивать страх из жертвы, рвали ее в клочья, стремясь уловить этот спасительный для них чужой страх.

Лена все понимала. Но ничем не могла помочь бычкам-бедолагам. Лена кожей чувствовала, как они начинают бессильно мотать головами, как напрягаются их накаченные железом мышцы, как злоба захлестывает, перехватывает горло у людей, тесно прижавшихся к ней на заднем сидении машины. Была бы их воля, они немедленно принялись бы избивать Лену, глумясь и скалясь. Но за рулем был тот, кто не отдавал такого приказа. И бычки люто страдали, захлебываясь в собственной свирепости. В этот момент их было почти жалко. Как гиен, в смертельной тоске воющих на луну.

– Нет, ну, Жора, падла буду, – заводился налысо бритый, что сидел справа от Лены, – падла буду, она нас не уважает ни хрена.

Лысый справа по-детски обиженно засопел. Лысый слева тяжело молчал, пытаясь спрятать трясущиеся в нетерпении руки. Водитель, которого, судя по всему, звали Жорой, еще раз взглянул в зеркальце заднего вида. Лена поймала его взгляд и пожала плечами.

– Не могу понять, чего они от меня хотят?

– Ладно, братва, – примирительно сказал водила, – баба есть баба. Небось, наложила в штаны от страха, вот и молчит, шевельнуться боится.

– Гы-гы-гы, – обрадовались шутке бычки. И, хлебнув Лениного унижения, чуть-чуть утешились и успокоились.

– Так, Елена Романовна, – сказал тот, кого бычки называли Жорой, – когда же, действительно, будут деньги?

– Куда вы меня везете? – глухо спросила Лена.

– Катаемся.

– Гы-гы-гы, – довольно заржали бычки.

– Мы все отдали, – устало выдохнула Лена.

– Не слышу...

– Послушайте, мы вам все отдали.

– Ну, Жора, – гаркнул один из качков, – а ты говоришь. Мочить ее надо, шкурку подлюю. А ты еще за нее заступаешься. Думаешь, она это ценит?

– Я думал, вы все поняли, думал, мы договоримся, – искренно расстроился Жора.

– Но мы отдали, – беспомощно проговорила Лена.

– Все надо делать вовремя, вовремя. Вовремя надо отдавать долги, вовремя... Так что начнем все сначала или все же вы уже поняли, что отдавать деньги все равно придется?

На самом деле Лена все давно уже поняла. И сейчас не качала права, а просто тянула время. Вдруг случится чудо? Но чудес не бывает, как известно.

Водитель резко затормозил. Обернулся, и под его равнодушным и жестким взглядом Лена съежилась.

– Поторопитесь. Как бы не было поздно.

– Будут, будут деньги, – едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать, выкрикнула Лена, – будут.

Когда она добралась до дома, была уже ночь. Виктор сидел на лавочке возле подъезда. Увидев в сумрачной полутьме Ленин силуэт, побежал навстречу.

– Все в порядке, – крикнула ему издали Лена, – все хорошо, – прошептала, когда он тревожно заглянул ей в глаза.

Они обнялись и долго стояли так, положив друг другу головы на плечи. Как две усталые лошади.

* * *

– Леша, такая квартира для нас – большая удача, и район хороший, и дом кирпичный, ну, а ремонт все равно рано или поздно делать придется, – рассуждала Юля, готовя ужин, – вот бы и вправду поменяться.

– Подожди, не сглазь.

– И кухня отличная, и ванная большая. А вид из окна – чудо!

– Подожди радоваться.

– А шкаф-купе – это вообще мечта! Удобнейший!..

– Настраивай себя на худшее, тогда не будет разочарований!..

– Надоело настраивать себя на худшее!

– Надо еще, чтобы Виктору понравилась комната, а Лене – наша квартира. Лена эта, видать, та еще... Не успела с мужем развестись, а уже юношу подцепила.

– Он ей шкаф строит.

– Да, теперь это так называется...

– Какой ты испорченный...

– А почему он голый ходит?

– Он работает. Ему жарко.

– Хм, жарко ему. В доме холод собачий, ты не заметила?

– У вас, у мужчин, все мысли только об одном, – почему-то обиделась Юлия.

– Опять мы виноваты.

– А кто?

В ту ночь Юлия долго не могла заснуть. Лежала с открытыми глазами и думала о прошлом, об обмене, о Лене и таинственном ее Викторе. Алеша спал тихо, как младенец, и выражение его лица было безмятежно. Юлия тихонько встала и ушла на кухню. Села там за стол, взгляд свой устремила вдаль за окном. Панорама с восьмого этажа открывалась замечательная: сотни больших и маленьких домов – наслаения многих и многих лет – составляли фон для сталинской высотки на Котельнической набережной: башню подсвечивали, и она, словно хрустальный дворец, мерцала во тьме, а прямо по курсу виднелась кремлевская стена и колокольня Ивана Великого за ней... В Москве была слабая, неморозная зима на излете, но все же снег то тут то там еще держался, отражая экономный свет улиц столицы.

«Когда, наконец, состоится этот обмен, когда все плохое, тяжелое и страшное будет уже позади, мы с Алешей поедem в Италию, в любимую Италию, обязательно, всенепременно поедem, – подумала Юля. – Как это у Гете? Кто был в Италии – уже никогда не будет абсолютно несчастным. Абсолютно несчастным можно не быть. А вот абсолютно счастливым? Есть ли люди с таким мироощущением – абсолютного счастья – не на миг, не на час – на годы? Есть ли такие судьбы – абсолютно счастливые? И что это – судьба? Стечение обстоятельств, случайностей и планомерных усилий воли? Некая энергетическая субстанция, которая существует сама по себе?»

В ту ночь Юлия еще долго не могла заснуть.

А за окном, слегка поскуливая, неприкаянно носились в темноте зимние московские ветра...

Глава 2

Виктор был согласен на комнату в Измайлове. Она ему даже понравилась. Он надолго остановился у окна, изучая соседний дом, слишком близко стоящий, потом обернулся:

– Хорошая комната.

Юлия просияла в ответ.

– Да, – прозвучало уже более уверенно, – хорошая комната.

Виктор снова отвернулся к окну. Высокий, широкоплечий, он как-то вдруг жалко ссутулится, так что Юля даже струхнула: не плачет ли? Но Виктор обернулся и улыбнулся Юлии – печально, но все же улыбнулся:

– Все в порядке. Меняемся.

– Какой он грустный, – сказала Юля, когда они довели Виктора до подъезда дома на Коммунистической.

– Будешь тут грустным.

– Вот они возьмут с Леной и помирятся. И не будут с нами меняться.

– Готовься к худшему. Тогда не так расстроишься, если этот обмен сорвется.

– Что ты такое говоришь? Почему, собственно, он должен сорваться? Ни в коем случае. Вот посмотришь, мы обязательно поменяемся. Обязательно. Алеша, верь мне. Мы поменяемся. Иначе и быть не может.

* * *

– Алло, Лена? Как дела? – Юля затаила дыхание: сейчас как скажет, что Виктор по здравом размышлении решил, что комната ему не подходит, что он раздумал меняться, что будет искать другой вариант...

– Вроде нормально, – заговорщически успокоила Лена. – Виктор – это же очень пассивный субъект. Типичный такой маменькин сынок. Да. Это – что-то! Я потому с ним и развожусь: устала его на себе тащить и все за него решать. Ему – что надо? Ему надо, чтобы его прислонили к стенке и оставили в покое. Короче, я в тот день, когда вы его возили комнату смотреть, вечером пришла домой и спрашиваю: «Ну как комната?» Он говорит: «Да вроде нормально». Я говорю: «Кухня большая?» – «Большая». – «Коридор большой?» – «Большой». Я говорю: «Ну, и...» – подталкиваю его к решению. А он: «Квартира уж больно запущенная...» – «Ах, вот оно что, – говорю, – ты вокруг посмотри, на квартиру, в которой мы с тобой живем. Как еще Юля и Алеша решились с нами меняться?!» Ой, Юль, он такой... Врагу не пожелаешь...

– Лена, Виктор очень симпатичный. Ты несправедлива к нему!

– Ты так считаешь?

– Однозначно! Посмотри, какой он трогательный, как он переживает все, что между вами происходит! Видно, что он человек абсолютно порядочный, содержательный. У него взгляд глубоко страдающего человека!

– Ты так считаешь?..

– Лена, не спеши! Может быть, ты еще передумаешь?! Такие мужики на дороге не валяются!

– Юля, Юля, ты просто очень добрая. И ты не сталкивалась с этим явлением – с маменькиным сынком! Так вот, – увлеченно продолжила Лена повествование о бывшем муже, крайне довольная своим умением подвигать его на кардинальные решения, – «Виктор, район тебе нравится?» – говорю. «Ничего». – «Так идти мне смотреть Юлину квартиру или нет?» – «Иди». Представляешь, Юль, вот такой он. Мне кажется, ему вообще ничего не надо. Психотерапевт!

Он и на мне пытался свои эксперименты ставить. Но я не поддавалась. Он злился от этого: у тебя такая защита мощная, такая защита. Ты, говорил, слишком трезво на жизнь смотришь, тебе в жизни сказки не хватает. Я ему: мол, очнись, оглянись вокруг – тут сплошная сказка страшная, в темном волчьем лесу. Я нормально смотрю на жизнь. Я просто не витаю в облаках, а анализирую жизнь. В общем, вот так. А переводы – так это Виктор хорошо английский знает и переводит прилично, вот ему заказы и поступают. Он этим зарабатывает, – энергично развивала тему Лена, – Виктор когда-то вел группы. Такие группы психологической коррекции... Так вот, сейчас с ними – проблема. Никто не хочет в группы. Все индивидуалистами страшными заделались. А индивидуальная психотерапия себя не окупает.

– Знаешь, он мне показался очень грустным. По всему видно, что переживает.

– Ничего, пусть. Не все же ему из меня кровушку пить.

– Можно ли быть настолько непримиримой!?

– Вот когда тебя несколько лет подряд в дерьмо мордой потычат – ты тоже будешь непримиримая. Давай на «ты»? Так легче. Когда-то мы с Виктором встретились – как два одиночества. То есть как два невроза... Ты вообще в курсе, что психотерапевты считают любовь – неврозом? Острым невротическим состоянием?

– Не может быть! А как же...

– Вот именно! – торжествующе произнесла Лена. – А ты еще мне что-то говоришь про налаживание отношений! Да, психотерапевты так и говорят: любовь – это острая фаза невроза, и когда мы с тобой говорим о ком-то: эти двое любят друг друга, – психотерапевты тут же проанализируют эти чувства как встречу двух неврозов, один из которых успешно дополняет и развивает другой. А ты еще говоришь! Так что не будем о грустном. Я думаю, что с Виктором вопрос решен. Он ленивый, безрукий, маменькин сынок, сам вариант обмена искать не будет, а меняться надо. Сам говорит периодически: давай меняться. И ничего при этом не делает. А делать что-то надо. Все-таки личная жизнь у него происходит в нашей теперешней квартире, и ему передо мной неудобно. А сам он вряд ли будет искать другой вариант, да.

Юля вздохнула:

– Тогда приходи сегодня вечером.

– Спасибо, приду. К родителям зайду, а потом – к вам. В смысле к вам с Алешей. Меня еще почему ваша квартира очень устраивает. У меня рядом родители живут. На Абельмановке, где ЗАГС.

Лена положила трубку и с тоской обвела взглядом стены комнаты. Ах, если бы все это было правдой. Как было бы легко! Настоящий обмен, настоящий – не понарошку – осмотр квартиры... Да, но тогда пришлось бы разводиться с Виктором... Да и квартира эта... Зачем тогда эта квартира, зачем тогда все-все-все, если бы все это было по-настоящему? Если бы было по-настоящему, тогда все было бы по-другому. Абсолютно все.

* * *

– Извините, что поздно. Они все никак шкаф не могли достроить. Завтра еще придут достраивать, – говорила Лена с порога. – О, господи! Работнички! Если раньше люди выбирали род деятельности исходя из того, что они умеют делать, то теперь они исходят исключительно из того, что они хотят заработать деньги. Умеют ли они делать то, за что платят большие деньги, – это уже вопрос даже не второй. А мне у вас нравится. Мне у вас все нравится. Мне нравится даже, что у вас потолки низкие. Сколько здесь метров? – спросила, указывая на непропорционально длинную стену комнаты.

Юля что-то стыдливо пролепетала: комната и вправду была несколько кишкообразная.

– Замечательная, замечательная комната, – расхаживала Лена по квартире.

– Хотела сделать перепланировку, – сказала Юлия, – но все как-то руки не доходили. Сапожник без сапог. Я сейчас вообще-то архитектором-дизайнером работаю.

– Ну, конечно же, – воскликнула Лена, – я должна была сразу догадаться, при одном только взгляде. Какие здесь замечательные картины, просто замечательные! Какая своеобразная манера!

– Ничего оригинального, – скромно потупилась Юля, – обычные декоративные картинки, интерьерные. Сейчас только такие и продаются. Новые русские под обои часто заказывают или под цвет штор. Передвижникам бы нынче туго пришлось. Да, вот тут я и работаю. Мы поэтому и сменяемся, что постоянно красками пахнет. Так-то я на компьютере тружусь. В смысле дизайнерские эскизы на компьютере, конечно, делаю. Но иногда хочется самой маслом поработать – чтобы уж совсем не разучиться. А в Алешину комнату мне ездить далеко работать. А так бы не менялись. Нам пока вполне хватает однокомнатной квартиры. Да, Алеша?

Алеша кивнул.

– Вы так сказали... про новых русских, – замялась Лена, – а мне показалось сначала...

– Мне не нравится это выражение – «новые русские», – сказала быстро Юлия, – оно совершенно бессмысленное. Хоть у тебя миллион будет в кармане – ты новым человеком не станешь. Им надо родиться, новым человеком, и не от денег это зависит. Новые богатые – это более точно. Нувориши – они и есть нувориши. Но мы не старые, не новые – мы адекватные.

Алеша кивнул. Лена улыбнулась.

– Я тоже адекватная, – сказала она. – О! – восторгалась Лена совмещенным санузлом.

– Зато тут стиральная машина умещается.

– Да, да, я вижу. Отлично, отлично.

– Вы посмотрите, Лена, какой вид с балкона! – внес свою лепту в рекламу квартиры Алеша.

– О! Ах!

– А кладовка! – Юлия торжественно познакомила Лену с достопримечательностью. – Огромная! Здесь любовников прятать можно.

– Мне некого прятать, – упавшим голосом сказала Лена.

– Ну, ничего, ничего...

– Да, но кладовка хорошая. Даже больше, чем там у меня шкаф строят. А скажите мне, пожалуйста... Нет, я уже решила: буду с вами меняться. Но вы мне скажите, вот окна на площадь выходят, тут шумно? – Лена внимательно всмотрелась в лица Юли и Алеши.

– Вообще-то, – начала Юля, – шумновато...

– Я точно буду с вами меняться, мое решение твердое, так что вы мне скажите правду. Мне просто важно знать.

– Я не знаю, мне не шумно, – пожал плечами Алеша.

– Трамвай слышно? А то тут мои знакомые продавали квартиру, так продали ее намного дешевле только потому, что трамвай под окнами шумит с шести утра.

– Нет, нет, трамвая у нас не слышно, – безоговорочно отмела Юля эти ужасные подозрения. – Лена! Может быть, чаю?

– С удовольствием.

– У нас очень хороший сосед напротив, – говорила Юля, пододвигая Лене пепельницу и аппетитно-цветастую коробочку. – Вот, печенье очень вкусное... Толя. Мастер на все руки. Он еще моей бабушке здесь все чинил. Здесь моя бабушка жила. Алеша у него всегда инструмент всякий берет. У Толи всегда все есть. Так что учти: если что нужно будет – к нему.

– Спасибо, но у меня второй муж очень рукастый. У меня ведь много мужей было. Так вот, насколько Виктор безрукий абсолютно, неумеха, настолько мой второй муж умеет делать стопроцентно все. О, что я вижу! Знакомая книжка!

– Учебник итальянского языка, – сказал Алеша, – Юля учит.

– Да, – смутилась Юлия, – я так память тренирую. У меня в последнее время что-то плохо очень с памятью.

– O! Lei parla ytfllifno? Non bisoqno di un interprete, – Лена улыбнулась.

– Si, si, non abbiamo... Я так люблю Италию, – ответила Юля, – мне так вот и чудится: сменяемся мы с Алешей, сделаем в новой квартире ремонт, расставим мебель и махнем в Италию. Да, да, когда весь этот ужас кончится, мы обязательно поедем в Италию.

– Я когда-то работала в Италии, – задумчиво проговорила Лена.

– O! Parla, parla...

– Итальянцы – смешные, – улыбнулась своим воспоминаниям Лена, – и очень похожи на нас. Даже такая поговорка есть: итальянцы – это комический вариант русских, а русские – это трагический вариант итальянцев. И это чистая правда.

– Так что? – вдруг потребовал ясности Алеша. – Мы меняемся?

– Меняемся, – решительно согласилась Лена.

– Тогда заключаем джентльменский договор, что больше ни вы, ни мы других вариантов не ищем?

– Да, – подтвердила Лена.

– И начинаем собирать бумаги, – поскущнула Юля. – Боже, как я ненавижу наши ЖЭКи!

– Да, и в довершение всего они стали именоваться ГРЭУ!!!

– Докатились!

– Ты заметил, как Лена печально сказала: «У меня нет любовников...» Когда мы ей кладовку показывали, заметил? Ужасно грустно сказала: «Нет любовников...» Конечно, когда рушится семья, нужна хоть какая-нибудь отдушина, хоть какая...

– Не нравится мне эта Лена, – сказал Алеша. – «Много мужей, много мужей, мой второй муж, мой десятый муж...» Ты тоже так говоришь?

– Если у человека было несколько мужей, то почему бы человеку не называть их порядковыми числительными?

– Вот, вот, значит, и ты такая же...

– Дорогой!

– Дорогая!

– Ты меня попрекаешь!

– Ты просто меня не любишь. Вот и все.

– Люблю.

– Нет.

Юля подошла к Алеше, обняла его и заглянула в глаза.

* * *

Лена была дочерью одного из многочисленных помощников Брежнева. В 70-е годы это было крайне определенное качество жизни. Сейчас – это не говорит ни о чем: к сегодняшнему дню разброс вариантов судеб детей и внуков бывших партийных руководителей страны и лиц приближенных к ним – слишком велик. Но Лена начинала свою взрослую жизнь именно в 70-е годы.

В те далекие годы Лена, впрочем, как и все люди нашей страны, была уверена в своем будущем. После школы она поступила в МГИМО на факультет журналистики.

Сережа Коломеец в этом институте номенклатурных детей был парвеню. Мама – начальник ЖЭКа – кое-что могла в этой жизни и, может быть, в чьих-то глазах – очень многое, но аристократическим подобное происхождение в МГИМО не называлось. Парвеню – он и есть парвеню, выскочка. Но, собственно, это и было Сережиной задачей – выскочить, прорваться,

достичь. Он еще не понимал тогда, что особых талантов не имеет, что поверхностен, без вкуса, без воли, без трудолюбия. Но знал, что прорваться должен. И – что прорвется – тоже знал.

Мать его больно уж тяжело пробивалась – одному Богу известно, на что шла, чтобы занять пост, до которого даже в смелейших мечтах не дотягивалась. Лимита. Все сделала сама и без поддержки. Выжила из своей судьбы 400 процентов. Сын должен был повторить ее опыт на новом уровне – он уже не начинал с нуля – у него был трамплин. Да еще какой!

Уже на первом курсе Сергей внимательно осмотрелся. С прискорбием, хотя и не с отчаянием, отметил, что сокурсники – совсем другие, не такие, как он и его прошлое окружение. Сокурсники смелее, свободнее, чем он, они образованнее, они умнее, наконец, хитрее, дипломатичнее, они лучше воспитаны, они всегда и везде знали, как себя вести. Они относились к нему свысока – не только из-за того, что его мама была неровня их родителям. Он сам был им неровня. Но – выбор у него был. И время – было.

Сереза остановился на Лене Петровой. Нельзя сказать, что Сереза наигрывал свою влюбленность в Лену. Он и в самом деле страстно хотел ее и все, что было с ней связано, – легкую безоблачную карьеру, безбедную стабильную жизнь.

Он дождался подходящего момента – ко второму курсу все уже разбилось по парам, и Лене показалось вполне естественным, что и у нее появился поклонник.

В конце третьего курса многим студентам светила стажировка за границей. Но только не Серезе. Он грустно сообщил об этом своей подружке. Лена попросила отца. И стажировка за границей состоялась. Не то чтобы Ленин отец хотел таким образом завлечь жениха – хотел проверить, годится ли этот более чем скромных способностей парень хоть на какое-то дело. Оказалось – годится, не лучше, но и не хуже других.

Лена попыталась было выскользнуть из Серезиных рук, влюбившись на четвертом курсе в сына председателя ставропольского колхоза. Но у того был слишком дурной характер, слишком независимый характер, чтобы переиграть Сергея.

Дождавшись очередной ссоры Лены и колхозного парубка, Сереза поставил вопрос ребром. Ленины родители зудели: не морочь парню голову – решайся.

И Лена вышла за Серезу замуж. Мама Серези к свадьбе «сделала» молодым квартиру в хорошем районе, в хорошем доме. Но нельзя сказать, что жизнь теперь показалась Сергею легкой. Он, конечно, добился того, чего хотел. Он жил теперь с женщиной, за которой стояло по тем временам очень многое. Однако и Лену и Сергея ждали банальные – вне времени, сословий и каст – трудности притирания друг к другу.

Лена считала, что партия могла бы быть и посolidнее. Да что там, Лена просто облагодетельствовала Сергея, и тот должен быть счастлив и боготворить ее. Она не хотела уступать ни в чем, «ни пяди родной земли». Зачем? Муж и так в ее стакане жужжит. Куда денется? Сергею же казалось, что он уже перешел Рубикон и теперь-то все пойдет-покатится само собой.

Вскорости молодая семья отправилась в длительную командировку за границу. И Сергею и Лене там нашлась работа. В русской колонии это было скорее исключением из правил. Обычно мужья пребывали за границей с неработающими женами, с детьми – и их материальное положение было куда более скромным, нежели у молодой четы Коломеец-Петровых. Впрочем, каждому свое, как говорится.

Лена всегда была человеком компанейским. И щедрым. Как-то само собой получилось, что она стала опекать жену одного из своих коллег – маленькую женщину, Дюймовочку с широко распахнутыми глазами.

Дюймовочка целыми днями просиживала дома, вытирая сопли годовалому сыну, готовя обеды мужу, не видя белого света. А между тем, в той замечательной стране, где они все жили, было что посмотреть.

Возможно, Ленина опека над Дюймовочкой была востребована желанием тепла – к тому времени отношения Лены с мужем не оставляли никаких иллюзий. А ведь кого-то стоило любить на этом свете.

То, что в Союзе разбавлялось друзьями, пространством и прочими отдушинами, за границей, в небольшой русской колонии, где все были всем чужие и все со всеми обязаны были поддерживать хорошие отношения, – должно было взорваться. Лена и Сергей могли неделями не разговаривать друг с другом. В сущности, это было непереносимо, но и у нее, и у него были цели, которые выходили за рамки домашнего уюта. Они знали, ради чего терпят друг друга.

Однажды Лена, будучи в сильном подпитии, прищемила палец дверью лифта. В лучшей клинике, лучшие европейские эскулапы наложили ей на палец шину. Но – начались отчего-то боли, о которых врачи, снисходительно улыбаясь, говорили: вам просто кажется, болеть не должно, ничего страшного. Лену буквально спасла родная коммунистическая партия: кончался кандидатский партийный стаж, и товарищ Петрова-Коломеец должна была вступить полноправным членом передового отряда строителей коммунизма, а для этого нужно было на недельку смотаться в Москву. А уж в Кремлевке, куда Лену прямо с поезда привезли встревоженные распухшим и невыносимо болящим пальцем родители, срочно потащили на операцию. На дамский вопрос: все ли будет в порядке с ногтем? – ответили: молитесь Бога, чтобы палец уцелел. С пальцем – обошлось, но Лена застряла в Москве на два месяца.

Когда вернулась по месту службы, ни одна из женщин не удержалась от намеков по поводу романа ее мужа с Дюймовочкой. Лена не верила. Вернее, она просто не знала, что ей нужно делать с этой информацией, поэтому верить не хотела.

Лена смотрела, как Сережа с Дюймовочкой танцуют, обнявшись, на вечеринках, как смотрят в глаза друг другу, но не желала понимать, что, собственно, происходит. Наличествует же у людей чувство долга и ответственность за свою судьбу – в конце концов, она, Лена, тоже, возможно, хотела бы страстей, но работа есть работа, карьера есть карьера. Имеется же у людей чувство благодарности – она, Лена, столько возилась с этой Дюймовочкой. Словом, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Однако то, чего не могло быть, случилось.

Сергей все ждал, что Лена заговорит об этом, однако Лена молчала, и ему пришлось однажды сказать самому: «Я ухожу от тебя». Лена не устроила истерику. Она холодно посоветовала Сергею подумать. Она была уверена, что он сможет подумать, все взвесить и решить все правильно. Но – влюбленных уже несло. Дюймовочка тоже призналась во всем мужу. Муж пришел к Лене посоветоваться – что делать? Лена развела руками. Она не знала, что делать. Она не была готова к такому варианту развития сюжета ее жизни.

Сережа и Дюймовочка демонстративно перестали скрывать свои отношения от окружающих. Назревал скандал. Лена написала отцу, и ее с мужем досрочно отозвали из командировки. «Бездарность – она и есть бездарность», – думала Лена о муже. Они ехали за границу минимум на три года, прожили там два. Ну, не дурь? Ради чего? Лена искренне не понимала – ради чего?

Приехали в Москву и подали заявление на развод. Лена стала пить все больше и больше – надо было чем-то заглушить навалившийся на нее страх. Лена не переживала из-за измены мужа и не страдала по поводу предательства своей протеже. Ей, в сущности, вообще были безразличны эти люди. Но она вдруг поняла, что незыблемое, как ей всегда казалось, положение избранницы судьбы – рушится. Уж если такое ничтожество, как ее муж, смогло жить так, как считало нужным, как ему хотелось и чувствовалось – то твердая почва под ногами – не что иное, как мираж в опасном болоте. Шел 1979 год...

* * *

«Зачем изобретать велосипед, когда он уже давно изобретен?» – здраво рассуждала Юля. Она доехала одну остановку на метро до улицы, где когда-то видела надпись «Юридическая консультация», спустилась по узкой лесенке в полутемный подвал («а что? очень даже романтично») и потребовала у девушки в окошке немедленной встречи с лучшим специалистом по обмену недвижимостью.

– Десятый кабинет, – кинула девушка, не отрывая взгляда от книжки.

Юля устремилась в указанном направлении. В мало освещенной комнате, словно стойла, были выгорожены загончики, куда едва втискивались стол и два стула. Десятый загончик, равно как и все остальные, был пуст.

– Там никого нет, – вернулась Юля к девушке-книгочейке.

– Так подождите, – девушка перевернула страницу.

– Можно, я здесь подожду? Там темно.

Девушке было все равно. Юля опустила на колченогое сиденье. «Надо сосредоточиться», – Юля еще дома записала вопросы на бумажке, но теперь стоило еще раз осознать ситуацию.

Откуда-то из глубоких недр помещения, обнаруживающегося за овладевающей знаниями секретаршей, раздавались голоса.

– Иван Иванович, ну расскажите, расскажите, – жеманно канючило прокурорное контрольно.

– Многие знания умножают скорбь. Пейте чай, моя дорогая, закусывайте печеньем, – вальяжно отвечивал приятный баритон.

– Да, но посудите сами, меня ведь тоже скоро вызовут. Нет, Иван Иванович, вы просто обязаны, вы должны, должны...

– Симпатичный такой мальчик. В прокуратуре два дня. Спрашивал, не вел ли я когда-либо дела своих подзащитных в Межмуниципальном суде. Я ему говорю: «Мой юный друг, я тридцать лет занимаюсь адвокатской практикой. За столь длительный срок я успел побывать не только во всех московских районных судах, но и во многих судах нашей необъятной некогда Родины. Вы хотите спросить, давал ли я когда-либо взятки Полозковой Нинель Викторовне – судье Межмуниципального суда и ее секретарше Борисовой Маргарите Ивановне? Нет, не давал. И даже не знал, что они берут. Иначе непременно, согласно статье 189 УК, я сообщил бы об этом вопиющем факте правоохранительным органам». Мы с молодым человеком еще поспорили: что тут сподручнее применить: статью 189 – «укрывательство» или статью 190 – «недонесение», и разошлись, чрезвычайно друг другом очарованные.

– То есть они опрашивают всех подряд вслепую? – причмокивая, уточнило контрольно.

– Разумеется, моя дорогая. Разумеется, надо же как-то отчитываться о проделанной работе. Дело – бездыханное. Никаких судебных перспектив. Поверьте моему опыту.

– Да, но кому это в голову пришло – заводить на Полозкову дело о взятке?

– Бардак. В стране бардак, что вы хотите? Кто-то стукнул, кто-то не просек вовремя – и поспешил завести дело. Тем более ее со взяткой на кармане прихватили – РУОП расстарался – как тут дело уголовное не завести? Но – как завели, так и закроют. Нынче за взятки только лохи сидят. А у Полозковой клыки, как у саблезубого тигра, – до колен. Нашли с кем связываться.

– Екатерина Васильевна! – девушка-секретарша переворачивала страницу книги и решила употребить образовавшуюся паузу с толком. – Вас клиентка ждет.

Голоса стихли, и скоро Юля увидела выплывающую из глубины юридической консультации строгую даму, которая требовательно пригласила клиентку следовать за собой. Они уединились в загончике, и дама взыскательно проронила:

– Слушаю вас.

– Мы с мужем меняемся, – начала Юля робко и уточнила: – сменяемся. Хотелось бы узнать у вас, какие трудности нас ждут на этом пути. Какие бумаги надо собрать. И так далее.

– Какие трудности? – важно переспросила дама.

Рот у нее был большой, лягушачий, имеющий свойство кривиться так и этак, тщательно артикулируя, отчего слова звучали значимо и импозантно. Кольца с увесистыми бриллиантами, видневшиеся тут и там на длинных холеных пальцах, также свидетельствовали о полной и всесторонней профпригодности адвокатессы.

Когда говорят, что только в России женщины надевают для похода в магазин норковые шубы, то тут же сочувственно и понимающе вздыхают: климат, мол, у нас такой, ничего не поделаешь, без натуральных мехов никак не обойтись. А бриллианты тогда почему с утра пораньше надевают? На работу, в контору носят. Те, у кого денег на настоящие бриллианты нет, – те покупают фианиты и циркон – беленькие, прозрачные и блестят – похожи на бриллианты. И что, тоже из-за сурового климата? Все прилавки в ювелирных магазинах, без всякой фантазии, завалены исключительно бриллиантами, фианитами и цирконами. И не отличишь иногда настоящее от ненастоящего. Но Юлия приноровилась: она не на ювелирное изделие смотрит, а на даму. По даме-то всегда видно, что на ней надето.

Здесь ясно было, что бриллианты настоящие. Самые что ни на есть настоящие.

– Я хотела бы узнать, какие нужно собрать для обмена бумаги, во-первых. И, во-вторых, могут ли нас обмануть при обмене? Я знаю, что при продаже квартир часто обманывают, – проявила Юлия свою проницательность и углубленные знания современной действительности.

– Обманывают, – поддакнула дама и написала довольно внушительный список на клочке бумаги. – Это документы, которые вам понадобятся на каждую из площадей, подлежащих обмену. А что касается проверки квартиры...

Дама окинула Юлию оценивающим взглядом, задержалась на Юлиных доставшихся от бабушки сережках с изумрудиками. «Надо было дома сережки-то снять, – подсадовала их владелица, – а то сейчас заломит – не рассчитаться».

– ...То это стоит очень дорого. Поскольку много возни.

– Сколько – дорого? – решила все же уточнить Юля.

Адвокатесса еще раз внимательно глянула на клиентку и категорично скалькулировала:

– Две тысячи долларов.

«Большое спасибо, конечно, за комплимент».

– А какие при обмене могут быть подводные камни? – деловито осведомилась Юля, стараясь, тем не менее, оставаться невозмутимо спокойной.

– Их – тьмы и тьмы, – сказала адвокатесса, запуская снова споткнувшуюся было улыбку. – Вот вы, например, уверены, что развод этой семейной пары истинный, а не мнимый?

Юля пожала плечами:

– Да, вроде, действительно, разводятся...

Адвокатесса пронзительно глянула на клиентку.

– Что-то уверенности в ваших словах не слышу. Какие у них отношения между собой? Вы наблюдали их отношения?

– Ну, нет, то есть мне не показалось ничего подозрительного, – пролепетала Юля абсолютно растерянно.

– А вы понаблюдайте, понаблюдайте. Если развод их мнимый – уже подозрительно. Еще подозрительно, если при обмене фигурирует хоть какая-нибудь доверенность – человека очень легко принудить выписать доверенность на чье-либо лицо, даже в присутствии честного нотариуса. Я уже не говорю о том, что у нас нотариусы сплошь и рядом – курвы, пардон, разумеется, те еще. Ну и так далее.

Юля подавленно молчала. Боже, она никогда не сможет сама проверить так много параметров при обмене. Как злы люди, какие свирепые нравы царят в этом мире! Как надо всего опасаться! Как страшно!

– А вы знаете, – продолжала адвокатесса, – как давно ваши обменщики живут в своей квартире? Не знаете. А между тем, тут может быть всякое. Они, может, и сами не подозревают, кто у них еще прописан. Вот так тоже – поменялись без проверки. Может, в этой квартире жил когда-то какой-нибудь несовершеннолетний, выписанный временно в интернат инвалидов? А потом заявится и будет качать свои права на жилплощадь.

– Неужели такое бывает? – всплеснула руками Юлия.

– Ха! Еще как бывает! – отмела все ее сомнения адвокатесса. – Все бывает. Я тут два года в процессе сидела (Содом и Гоморра!): обмен-цепочка, тридцать семь человек. Одна какая-то прошмандовка, назовем, наконец, вещи своими именами, неправильно документы оформила и – привет. Все обратно поехали. Это вы представьте только! Тридцать семь человек, с адвокатами, со свидетелями, всех же собрать надо, никто же обратно ехать не хочет! Все поехали, все. Одному пню старому не понравилась новая квартира: шумно, видишь ли, ему, как будто он на старости лет слышит что, пентюх вредоносный. Так он поплелся в суд, верещал: обманули, требую признать обмен недействительным. Ну, а судья зацепилась за эту неправильно оформленную бумажку. Вот вам и пожалуйте.

– И ничего нельзя было сделать? – изумилась Юлия.

– Не всегда можно что-то сделать, – доверительно понизила голос адвокатша. – Судья такая попалась, равнодушная к чужим бедам. Уперлась: закон есть закон. А на людей ей плевать. Так что проверяйте, проверяйте каждую запятую в своих документах. Внимательно смотрите: правильно ли проведена приватизация, если таковая имеется, не были ли ущемлены при этом, не дай бог, права несовершеннолетних и пенсионеров, если таковые были на момент приватизации прописаны в квартире. И так дальше, и так дальше, и так дальше...

– Как же это проверить? – почти в отчаянии воскликнула Юлия.

Адвокатесса вздохнула, посмотрела исподлобья на клиентку, вздохнула еще раз и сказала, понизив голос:

– Пойдите в ЖЭК, дайте коробочку конфет паспортистке, попросите показать вам старые, именно старые книги учета жильцов. Никаким выпискам из ЖЭКов никогда не верьте. Я сама, когда надо представить в суд, предположим, документ о жилищных условиях, всегда даю девочкам шоколадку и прошу не вписывать в лицевой счет бабушку, умершую в 1960 году, и дедушку, выписавшегося в дом престарелых. Хотя они в лицевом счете числятся еще. И должны числиться. Поскольку очень важно проследивать при заключении сделок по купле-продаже либо при заключении договора мены, как в вашем случае, кто был прописан в квартире на протяжении ее существования. Вы поняли меня? У вас еще есть ко мне вопросы?

Тогда адвокатесса назвала солидную сумму, перечислив множество статей жилищного, семейного, уголовного, а также почему-то и кодекса о труде, коих они коснулись во время консультации.

– Вот видите, какой у вас сложный вопрос, – широко, по горизонтали растягивая свой лягушачий рот, она протянула Юлии свою визитку. – Если возникнут сложности, обстоятельства – обращайтесь.

Юлия покинула юридическую консультацию почти что в панике. Надо же, сколько опасностей подстерегает их с Алешей на пути к обмену. Ужас, ужас! Да, адвокатесса абсолютно права: в эти тяжелые, безрадостные времена нужно быть необыкновенно осторожными. Иначе непременно обжулят. А уж этого никак нельзя допустить. Хотя теперь жуликов развелось – видимо-невидимо.

«А все из-за того, что мы слишком романтичны! Да, да. Это наша национальная особенность. Наши недостатки – это продолжение наших достоинств. Русские совершенно небур-

жуазны и очень романтичны. Нас не привлекает упорный труд, ведущий к накопительству, а привлекает романтика риска. В России никогда не будут властвовать буржуазные ценности. Они никогда и не властвовали! Первый буржуазный персонаж русской литературы – мошенник Чичиков. Один из последних – деловой Лопухин. Всем вроде хорош, но какой-то все же неприятный и радуется вишневному саду как-то грубо. А как только окончательно оформился конструктивный буржуазный класс и строй – тут же и случилась революция семнадцатого года. И, что интересно, многие буржуа сами же и принимали активное участие в революционной борьбе! Потому что русскому человеку скучно добротнo жить. Он слишком романтичен для того, чтобы довольствоваться этим! То, что для немца здорово, для русского – смерть! То есть наоборот, но факт остается фактом!

И вот теперь, когда опять, вроде как, пришли буржуазные времена, а они, в общем-то, всегда невероятно скучны, природный романтизм нашего народа выражается во всеобщем мошенничестве. Никто налоги не платит – это нарушение закона сформировалось уже в мощное общественное движение! Каждый обманывает государство как может. Ну и друг другу – тоже. Это как бы протест против сытости богатых! Это выражение внутренней свободы! И революционных настроений широких масс!»

Размышления об особенностях нынешнего бытия слегка отвлекли Юлию от треволнений, связанных с обменом. Однако придя домой, она тут же кинулась к телефону:

– Лена? Была сейчас у юристки, она рассказала мне страшные истории про обмен. Цепочка из десяти квартир, тридцать семь человек два года судились, и в результате все поехали обратно – кто-то там неправильно оформил документы... А вы с Виктором давно в этой квартире живете?

– Лет пять... Сейчас посмотрю точно, только паспорт найду. Да, четыре с половиной года. «Раньше говорила, что три», – машинально отметила Юлия. И спросила:

– А раньше кто в квартире жил?

– Муж и жена. Потом они развелись. Он ее все в алкоголизме упрекал. Хотя, по-моему, было все наоборот. В результате он ее загнал в комнату в коммуналке, а сам в отдельную квартиру въехал. В мою. У меня на Таганской улице была однокомнатная. В том доме, где хозяйственный магазин сейчас. А у Виктора была комната на Авиамоторной. Хорошая комната. Только дом плохой.

– А, так вы тоже сменяли комнату и квартиру, – заметила Юлия, – а там, у Виктора, на Авиамоторной, была трехкомнатная коммуналка?

– Двух.

– А что, просто соседей не отселили в твою однокомнатную? – адвокатесса явно сделала Юлию сверхподозрительной.

– Говорю же – дом плохой был, – напомнила Лена.

– Ясно, так когда пойдем в ЖЭК за справками? Меня юристка научила, как мы с тобой должны наши квартиры проверить, ну, чтобы уже точно знать, не были ли прописаны у нас, например, несовершеннолетние, которых незаконно выписали, а теперь они имеют право на нашу площадь.

– Ты знаешь, – задумчиво сказала Лена, – а ведь это вполне может быть. У меня подруга так квартиру купила. А потом выяснилось, что там еще какой-то пьяница прописан, который выписаться забыл когда-то. Так она его обыскала по стране. Он съехал и бомжует где-то. А без того, чтобы его выписать, ее не прописывают. Потом выяснилось, что он умер. А в милиции говорят: «Несите справку, что он умер». А где ее взять-то, справку о смерти бомжа? В общем, моя подруга еле-еле как-то эту проблему решила. Так что твоя юристка молодец, действительно, надо проверить. Нашу квартиру особенно. У тебя-то бабушка тут раньше жила?

– Ну да. Но я все равно хочу, чтобы ты со мной в ЖЭК сходила, жилищную книгу посмотрела – чтобы тебе спокойной быть.

– А я и так спокойна.
– Это потому, что ты с юристкой не общалась, – вздохнула Юля, – она мне такие страсти поведала...

* * *

...Дюймовочка выгнала Лениного мужа через год. Лена к тому времени немного оправилась и собиралась уезжать на два месяца в очередную заграничную командировку. Сергей попросил разрешения на это время пожить в ее квартире. Лена разрешила. Ясно, что Сергей попытается начать все сначала. Но тогда Лена еще не приняла никакого решения по этому поводу. А вернувшись через два месяца в квартиру, где ее радостно встретил Сережа, подумала сухо: «Жизнь сложилась, как сложилась. Пусть будет, как будет». Они снова расписались и снова стали готовиться к долгой заграничной командировке.

Но тут влюбилась Лена. Влюбилась в своего начальника. Тот был старше ее на семнадцать лет, давно и благополучно женат. К тому же не имел к Лене никакого интереса. Лена написала предмету грез письмо. Предмет грез сделал вид, что письма не было, а Лены стал сторониться. Но спустя некоторое время потерял бдительность, расслабился и предложил подвезти Лену до дома, поскольку шел дождь. Лена разрыдалась в машине. Роман начался.

Но что это был за роман? Лена хотела всепожирающих страстей и все сметающей любви, а ее избранник – только того, чтобы жена не узнала о его похождениях налево. Но Лена, как всегда, не хотела ничего понимать, замечать, знать – она слушала только себя, свои чувства, свои желания.

Между тем подходил срок отбытия в очередную долгую командировку. Сергей уехал раньше на два месяца, чтобы обустроиться. Со своим же отъездом Лена тянула до последнего. Если бы только ее возлюбленный сказал: не уезжай, останься, – она бросила бы все. Но он, измученный страстями, был рад, что Лена, наконец, отбывает. На самом деле мало кому они нужны в жизни – страсти. Запросы большинства гораздо скромнее и конкретнее.

В одном из самых роскошных городов Европы Лена с Сережей едва протянули год. Они, как и раньше, могли неделями не перекинуться друг с другом ни словечком, и это были еще не самые паршивые их недели. А потом, чтобы хоть как-то украсить свою жизнь, Лена завела роман. Она тогда уже пила всерьез, без тормозов. Однажды, возвращаясь с очередной попойки на машине, задела чье-то авто. Потерпевший вызвал полицию. Лена была настолько пьяна, что разрешила сделать экспертизу. А ведь достаточно было сказать: нет, не разрешаю брать кровь на анализ, и никто бы не посмел. Демократия! Права человека. Но Лена просто-напросто забыла, сколько выпила. Ей казалось, всего стакан. Выяснилось: бутылку виски. Полиция завела уголовное дело: такая степень опьянения и при демократии считается значительной. Но – благодаря папе дело замяли.

Намеренно ли Лена зеркально повторяла ситуацию своего мужа и Дюймовочки, когда все вокруг знали об их романе? Скорее всего, нет. Просто для Лены ее собственные эмоции были всегда важнее всего на свете, а на чужие ей, по большому счету, было наплевать. Роман продолжался открыто и бурно.

И тут у Сергея просто-напросто сдали нервы. Вот Лена обнимается при всех на вечеринке со своим любовником, вот Сергей тащит ее вниз, к машине, чтобы ехать домой, вот Лена упирается и говорит ему что-то злое и обидное, вот он бьет ее, она падает, и он бьет ее ногами, вот она вырывается, садится в машину и уезжает, вот он догоняет ее у дома. Ей удастся запереться в ванной, он пытается сломать дверь. Консьержка, услышав шум, вызывает полицию. Вот приезжают полицейские, а он говорит им, что жена случайно заперлась в ванной – сломался замок, и он не может его открыть. Лена трясется от страха в ванной, но молчит, больше смерти она боится скандала, который может подняться в газетах: русский журналист избивает свою жену.

Вот полицейские уезжают, и Сергей снова бешено ломает дверь, сейчас он все-таки убьет ее, потому что ненавидит ее, все, что связано с ней, все, что мешает ему жить.

Но, к счастью, шум услышали и друзья, жившие в их доме. Они увели Сергея к себе. Он стал жить у них, опасаясь повторения того безобразного приступа бешеной, агрессивной ненависти.

Ленина жизнь превратилась в стойкий туман: уже едва хватало бутылки виски на день. Чем бы вся эта безнадега кончилась – неизвестно. Но в семейный конфликт вмешалась политика. Из той страны как раз были выдворены 37 сотрудников посольства, обвиненных в шпионаже. Началась антисоветская кампания, всплыла замаятая было Ленина история с нетрезвым вождением авто. Лену быстро отозвали в Москву. Следом за ней вынужден был уехать и Сергей.

Трудно сказать, что позволило Лене снова сойтись с мужем. Скорее всего, все то же ее упорное нежелание понимать: то, что происходит с другими людьми – нелюбовь, невезение, несчастья, – все это может случиться и с ней. А может, все было еще проще: Лена боялась остаться одна. Так или иначе, но и на этот раз «любящие сердца воссоединились» вновь.

Воссоединились и зажили себе – не лучше, не хуже других. Лене даже казалось временами: то ужасное, тягостное в ее жизни с Сергеем было недоразумением, наваждением, которое она удачно и без потерь пережила.

У Лены была любимая с детства подруга – яркая красавица и умница Марина. Лена переключилась на ее семейные несчастья – Марине изменил муж, когда та была беременна, сам же сознался ей, каялся, просил прощения, но Марина простить не смогла. И начала с того, что кинулась во все тяжкие. Немного успокоившись, развелась. Лена пыталась образумить подругу – в конце концов, с кем не бывает, мужик-то покаялся. Но Марина была непреклонна.

Лена завела очередной роман, чтобы была в жизни хоть какая-то отдушина. Сергей тут же о романе узнал, несмотря на все предпринимаемые предосторожности. Ему удавалось даже узнавать, где Лена встречалась с любовником и когда.

Такая волшебная осведомленность Сергея вскоре объяснилась – довольно просто и пошло. Как-то Лена позвонила Марине, той не было дома, трубку взял ее пятилетний сынишка. «Заяц, как дела? Какие новости?» – «Мы с дядей Сережей вчера играли в Дендика», – наивно ответил ребенок.

Лена спросила Марину об этих детских играх своего мужа. «Ну что ты? Сережа просто подвозил нас до поликлиники, а потом зашел в гости».

Но через несколько дней Лена увидела их в машине – свою лучшую подругу и своего мужа. Они весело болтали и периодически целовались. Лена рассказывала Марине обо всех своих романах, Марина рассказывала о них Сергею. Все встало на свои места. Замкнутый круг.

Лена впала в страшную, ступорную депрессию. Три месяца в Кремлевке под капельницей.

Психотерапевт долго объяснял Лене, почему ей так плохо. Но Лену тогда в большей степени волновало не почему так несчастливо все в ее жизни складывается, а как ей не сдохнуть от этой безысходности.

Тем не менее, Лена преодолела депрессию, вышла из больницы, развелась с Сергеем. Полгода жила на таблетках. Два года потом только и делала, что меняла мужиков – самоутверждалась.

Однажды Лену послали делать газету на корабле, уходящем в кругосветное плавание. Отец позвонил в Одессу кагэбешникам, попросил, чтобы встретили дочку.

Лену встретил красивый статный майор Володя. Гулял, водил в рестораны, показывал красоты города. На четвертый день они по пьянке переспали. Лена ушла в плаванье. Когда вернулась через два месяца – Володя позвонил: я в Москве, надо встретиться. Пять месяцев он приезжал в столицу на каждый уик-энд. Наконец взмолился: «У меня уже долгов куча, давай что-то решать».

Пожились. Ленин папа помог перевестись в Москву. Полтора года Лена просыпалась с мыслью: «Какая я счастливая». Лена старалась взять побольше переводов – ей нравилось покупать Володе красивые вещи. Как-то спросила: «Ты хоть видишь, как я стараюсь?» Он аж побледнел: «Намекаешь, чтобы я больше зарабатывал? Ты же знаешь – мне негде подработать». После этого Лена стала тратить деньги на себя. Ее друзья Володю не приняли, хотя он был незлобив, высок, красив, обаятелен.

Очень скоро выяснилось, что Володя пьет. И серьезно. Он начинал в пятницу и пил по черному – до понедельника. Лена не могла понять: зачем? К тому времени сама она пить практически перестала. Ведь все хорошо, и релаксация, которую давал алкоголь, не нужна.

Нетрезвый Володя однажды попал в аварию. Сам отделался царапинами, его брат, который был с ним, угодил в больницу. Шел 1987 год. Разгар борьбы с пьянством. Увольнение из органов было однозначно. Ленин отец опять помог, хотя в то время уже был не у дел.

Лена стала пугать: не бросишь пить – разведусь. И однажды Володя согласился: «Да, давай разводиться». Но еще два года они прожили в одной квартире и спали в одной спальне на огромной кровати. Без интима. Без секса. Володе некуда было деваться в Москве. Когда Володя стал намекать на раздел Лениного жилья, Лена поднатужилась и купила ему однокомнатную квартирку, лишь бы отвязался. После этого Володя женился, и восторженная молоденькая его жена еще долго звонила Лене и говорила, какая Лена хорошая, добрая, щедрая и порядочная женщина.

Потом в Лениной жизни появился Олег. Он был женат. Лена забеременела. «Ты будешь, наконец, разводиться?» – «Ты знаешь, – сказал Олег, – в следующем месяце у жены и дочери дни рождения, я не хочу их расстраивать». А потом по пьянке стукнул машину, в которой была и беременная Лена. Выкидыш. И тогда именно бывший муж Володя бегал по аптекам за нужными лекарствами – Олег справлял дни рождения жены и дочери.

Он все-таки развелся. Но Лена теперь не спешила проштамповать свой паспорт. Зачем? И так все понятно.

Потом умерла мама. Умерла легко, красиво и быстро – упала на даче. Сердце. Потом стало известно, что отец неизлечимо болен. Он умирал долго, тяжело, и Лене хотелось одного – чтобы это скорее кончилось. Теперь она вспоминает об этом и мучается.

Казалось, что уже все было, что жизнь прожита. В нелепых замужествах, глупых романах, пусто и бессмысленно.

Но тут Лена встретила Виктора. Как награду за все прошлые несчастья.

Глава 3

Юля топталась в назначенном месте, у порога чужого ЖЭКа, уже минут пятнадцать. Но она не роптала: сегодня был настоящий весенний день – свежий, но теплый, с томительным запахом распускающихся почек и ясным голубым небом. Юлия наслаждалась весной.

Лена как-то в разговоре обмолвилась, что она, дабы стимулировать окончательное решение Виктора поменяться на измайловскую комнату, заплатила ему определенную сумму («Он как раз сидит на мели и в долгах, деньги ему кстати»). Конечно, у Лены тут рядышком родители живут, она заинтересована именно в этом варианте обмена.

Да, но вот гнусность – Юлия вспомнила о предостережениях ушедшей адвокатессы – как же ухитриться быть все время начеку и не дать себя обмануть? Правда ли Лена с Виктором разводятся? – спросила юристка. Да, вроде, правда. Юле и в голову не приходило сомневаться в этом. Впрочем, продувная юристка абсолютно права: нельзя расслабляться. Подозревать надо всех! Только тогда тебя не смогут обмануть.

И Юлия, исполненная решимости тщательно отслеживать все нюансы поведения своих обменщиков, радостно вдохнула легкий весенний воздух. Как хорошо! Как хорошо, что они не уедут из этого района, Юле здесь очень нравилось. Однажды Юлина подружка добиралась пешком к Юле в гости от Таганки по Большой Коммунистической улице: «Потрясающе! Как будто в другом городе побывала!» Да, и этот город называется Москва. Москва, которая спряталась от большевиков в окольных переулках, не пересекающихся с их магистральными дорогами, и потому чудом выжила. Когда-то Елизавета кинула эту землю старообрядцам – подальше от центра, у дальних застав. У обстоятельных старообрядцев, ведомо, всегда хорошо шли дела – со временем район этот застроился богатыми купеческими особняками. Улицы, которые сейчас называются Коммунистическими – Большая и Малая (яркое свидетельство тому, что Господь хранит, слава ему, этот ломоть города от внимания всех властей – на этот раз и «демократических») именовались Алексеевскими – полуразрушенный храм святого Алексия остался здесь и сейчас. Здесь жила и знаменитая купеческая фамилия Алексеевых. К ней принадлежал, как известно, и человек, взявший, дабы не позорить приличную семью актерством, псевдоним Станиславский. Здесь же сохранился дом, где родился Константин Сергеевич, и его фабричка рядом, где он заработал денег на МХАТ. Теперь здесь кабельный завод.

На Андроньевской площади серая церквушка. На этом месте когда-то стоял скит Сергия Радонежского, здесь он благословлял Дмитрия Донского на Куликово поле. Церковь эта была намечена на снос в 1980 году. Тогда она стояла вся облупленная, и из купола росла береза. К счастью, государство поиздержалось на Олимпиаде, не хватило денег на снос. Потом пришли другие времена... Теперь в крепкие купеческие особнячки вселяются, предварительно тщательно отреставрировав их, коммерческие фирмы, и эта чудом сохранившаяся Москва опять живет.

Юля обожала этот район. Здесь каждую минуту глаз цеплялся за старые стены с милыми старинными архитектурными излишествами, и домишки были в два-три этажа – не давили на психику своей высотой и унылыми углами. Да, здесь Юлии было хорошо. О, как же здесь было хорошо. Даже несмотря на тот цинизм, который сегодня царит в обществе. Это же надо додуматься! Показать по телевизору такую похабную пленку с участием якобы Генерального прокурора. А ты потом ходи, доказывай, что это не ты на пленке. Какой ужас!

– Ау! Прости, что опоздала. Виктора еще нет? – Лена поправила сумочку на плече.

– Нет, ну ты только посмотри, что они делают! – Юлия пылала благородным негодованием. – Какие подлые! Циничные!

– Ты о чем? – удивленно спросила Лена.

– Как о чем!!! Ты что, не смотрела вчера телевизор?

– А нечего по девочкам бегать, – довольно-таки сварливо осадил Юлино благородное негодование Лена. – Ой, ну, мужики все одинаковые – хоть Генеральный прокурор, хоть дворник, а все слабы на передок.

– Елена! Можно ли быть такой циничной? – прошептала зардевшаяся Юлия и заозиралась, словно опасаясь, что их услышат. – Что ты такое говоришь? Какие слова ты употребляешь!? Ты же женщина! Журналист! Ты должна бороться за чистоту русского языка!

– Никому я ничего не должна, – сказала с раздражением Лена. – Я – носитель языка. Имею право говорить, как хочу. Это пусть иностранцы стараются.

– Елена, – продолжала говорить шепотом Юлия, – но ведь ты понимаешь, что его просто подставили. Подставили! Я очень даже хорошо представляю, как это было. Заманили. Мальчишник, то да се. Выпили. Все мужики пошли по бабам. А он что, хуже всех?

– Юля, он – Генеральный прокурор. Он обязан знать о последствиях.

– В газетах пишут, еще и на директора ФСБ такая же пленка есть. Вот ему прощения нет никакого. Вот его-то – убрать надо с должности. Потому что он оперативник – обязан предусмотреть. Глава ФСБ – и проворонил, что его на пленку снимают. Здесь налицо профнепригодность! Натуральная причем! Фээсбэшника – за такую пленку надо уволить! А прокурор – он и не обязан ничего такого предусматривать. Он за законностью должен следить. А записывали его незаконно!

Елена с сожалением посмотрела на не в меру разбушевавшуюся политиканку.

– Юлия, хочешь мой дружеский совет? Прекрати смотреть новости. И телевизор вообще.

– Ты права, – вздохнула Юлия. – Да. Я тоже стала за собой замечать. Да. Лена, ты абсолютно права. Каждый вечер даю себе слово: не смотреть телевизор. А утром – рука сама к пульту тянется. Это наркотик, Лена, настоящий наркотик.

– Они там без тебя разберутся...

– Вот в том-то и дело, – воскликнула Юлия, – что они никак не могут разобраться. Это же ужасно! Ты только подумай...

– Юля, – прервала Лена пламенную речь художницы и повторила многозначительно: – Юля...

– Да, ты права, права, – обреченно согласилась Юлия.

– Давай о нашем, о насущном, – сказала Лена, – я вот подумала, что мы не уточнили очень важную деталь: ваша квартира приватизирована? Да? А наша – нет...

– Хм, – сказала Юлия, – но ее ведь можно приватизировать.

– Конечно, – с готовностью подтвердила Лена, – если для вас это важно.

– Вообще-то, да. Мы второй раз не будем иметь права ее приватизировать... Но тут такая загвоздка: Алешина комната – не приватизирована. Там соседи возражают. То есть если вы сейчас приватизируете свою квартиру, то Виктор не сможет потом приватизировать ту комнату.

– Да, верно, – заволновалась Лена, – что же делать?

Юля помедлила.

– В принципе есть вариант. Но это зависит от того, насколько вы с Виктором сильно разругались. Какова степень вашего доверия друг к другу?

– А что? – насторожилась Лена.

– Да ты не волнуйся. Что ты нервничаешь? Просто, если Виктор тебе доверяет, то вы можете сейчас договориться приватизировать квартиру только на твое имя. Таким образом он сохраняет право на бесплатную приватизацию. И ничем не рискует – прописанным-то он остается. Ты без его согласия все равно ни продать, ни поменять эту квартиру не сможешь.

– Да? – Лена призадумалась.

– Ну, конечно. В конце концов, если он сомневается в чем-то, он может сходить к юристу и проконсультироваться. А если он въедет в неприватизированную коммуналку – он там

вообще один будет жить, там соседи-то и не появляются. У них у всех другие жилплощади есть. А если их уговорить и ту квартиру в Измайлово приватизировать, то соседи быстренько сдадут свои комнатенки, на что будут иметь уже полное право.

Лена кивнула:

– Аргументы для него серьезные. Я попробую с ним поговорить. Вот только где он, где? Юля улыбнулась, подставляя лицо солнцу.

«Славная она, Юлия эта, – подумала Лена, – милая и доверчивая. Да, да, все они милые. Все доверчивые. До поры до времени. А потом под дых тебе, под дых, когда ты совсем расслабилась и доверилась им. И все же плохо жить без близкой подруги. Которая бы тебя понимала, которой можно было бы все-все рассказать... Да, и которая первая бы предала тебя, и очень больно предала бы – потому что лучше всех знала все твои слабые места... Нет, ничего не хочу, ничего. Не хочу, чтобы еще кто-то, кроме Виктора, был рядом. Только Виктор. Только он и я. Мы вдвоем. Больше – не хочу ничего».

– Черт, ну где же он, – в нетерпении занервничала Лена, – я на бодибилдинг опаздываю.

– Да? А куда ты ходишь?

– В медучилище.

– О! – обрадовалась Юля. – И я в медучилище. Только, – она с пристрастием окинула стройную Ленину фигуру, – в отличие от тебя, занятия спортом мне на пользу не идут. Чего я только не делаю! На диетах сижу, по утрам бегаю, в спортзале надрываюсь. А толстота такая, что люди могут подумать, будто я ленива и обжираться двадцать четыре часа в сутки.

– Тебе идет, у тебя такой стиль.

– Не утешай меня!

Выяснилось, что Юля и Лена ходят править свои фигуры не только в один и тот же спортзал, но и в одно и то же время, только в разные дни, поэтому и не пересекались раньше на тренажерах, не встречались в сауне.

– Но это можно поправить, – сказала Лена.

И они договорились в следующий раз пойти вместе.

– Да, – надула губки Юля, – а то нет свидетелей моим подвигам. А так иногда хочется, чтобы кто-нибудь из знакомых оценил героизм. Какой дивный день. Весна...

– Весна-а, – протянула Лена, – интересно, успеем мы все же поменяться до Пасхи? Месяц остался. Успеем?

– Думаю, успеем, – сказала Юля.

– А то новая личная жизнь наклеивается...

– Поздравляю. – «Да нет, не похоже, чтобы она врала так натурально, все же они, действительно, разводятся». – А вот и Виктор.

Виктор опять выглядел очень грустным. Он улыбнулся, здороваясь, но – только губами. Глаза хранили печаль. И Юля, на минуту презрев личные интересы, пожелала им с Леной помириться. И еще раз отметила про себя, что так притворяться, играть так натурально грусть по поводу разлуки с некогда любимой женщиной, по поводу неудавшейся семейной жизни – невозможно.

– Ты, как всегда, опаздываешь, – только такие слова и нашлись у Лены для своего страдающего бывшего мужа.

У Юли снова сжалось сердце. Бедный парень! Он так переживает разрыв с женой. А у нее уже новый хахаль!

– Я только что вспомнил, что забыл дома квартирную книжку. А без оплаченных квитанций, наверное, нам никаких справок не дадут, – пролепетал виновато Виктор.

– Нет, ты видишь, – сказала Лена, обращаясь к Юле, – можно жить с таким человеком?

– Я могу сейчас сбегать, я быстро, – попытался реабилитироваться Виктор.

– Ну да, а Юля тебя тут ждать будет опять. И так опоздал. Ладно, – Лена поменяла гнев на милость, – нам все равно с тобой нужно квартиру приватизировать.

Виктор удивленно поднял брови.

– Я тебе дома все объясню. Мы, собственно, сегодня пришли сюда с Юлей, чтобы посмотреть домовую книгу. Чтобы не получилось так, что в нашей квартире, помимо нас с тобой, еще уйма народу прописана. А мы и не знаем.

Виктор равнодушно пожал плечами.

Они вошли в сумрачное нутро жилищно-эксплуатационной конторы. Где-то нервно стучала пишущая машинка. На стенах пестрели плакаты антипожарной агитации.

Лена решительно подошла к окошечку паспортного стола.

– Простите, вот мы меняемся и хотели бы посмотреть домовую книгу...

– Зачем? – худенькая паспортистка удивленно скрестила на носу глаза.

– Мало ли... Дом старый, мы в нем живем недавно, может, кто-то был прописан в нашей квартире и его забыли выписать.

– Вы приватизировались? – подозрительно спросила паспортистка.

– Нет еще. Только собираемся.

– Вот тогда вам все и проверят, кто у вас там был прописан и не выписался, – пробурчала паспортистка.

– Но мы все же, – Лена продолжала быть вежливой, – хотели бы посмотреть домовую книгу.

– Мало ли что вы хотите? Я вам ее не имею права показывать. Может, вы старых жильцов преследуете. А они от вас скрываются. Времена-то, будь здоров, не кашляй! Криминальные! – и паспортистка стремительно захлопнула перед Лениным носом окошко.

– Дура, – процедила Лена.

Юля вздохнула:

– Ну, ничего. Она права. Когда будете приватизировать, ведь проверят документы-то.

Троица нестройно вывалилась под весеннее солнышко.

– Дурацкий день, – досадовала Лена.

– Я пойду? – минорно осведомился Виктор.

Лена нервно закурила и даже не взглянула в его сторону.

– Счастливо, – особенно дружелюбно пожелала ему Юля, стремясь загладить Ленину грубость.

Снег таял на глазах.

– Теперь пойдем в мой ЖЭК, – предложила Юля.

– А можно не ходить? – спросила Лена.

– Нет, ты тоже должна убедиться, что в моей квартире никто не прописан, – настаивала Юля.

– Ну, кто там может быть прописан? Дом – новый. До тебя там твоя бабушка жила. Бабушка твоя никого там не прописывала? Вот видишь. Квартира приватизирована, в приватизационных документах только ты значишься? Ну вот. Что смотреть-то? Что ходить?

– Так, чтобы убедиться...

– И так все ясно. Ты куда сейчас? Домой? Тогда – пока. Я переговорю с Виктором насчет приватизации и позвоню. Привет Алеше.

Юля еще раз подумала о том, что адвокатесса – слишком прожженная тетка, чтобы адекватно оценить ситуацию. Впрочем, она в чем-то права: бдительными быть необходимо. Бдительность и еще раз бдительность! Тогда все будет хорошо. В конце концов, люди, которых ты подозреваешь в чем-то плохом, не догадываются о твоих подозрениях. А значит, им и не обидно. А тебе – не стыдно.

Лена увидела их издалека. Они стояли возле ее подъезда, курили и ржали каким-то своим, видимо, забавным прибауткам. Лена сбавила шаг. И что? Свернуть? Не идти сейчас домой? Так они все равно дождутся! Дождутся! А еще хуже – позвонят в дверь и войдут. Нет, надо идти вперед. Вперед! Что такого может произойти? Да ничего особенного! Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Пойти им навстречу. Выслушать их угрозы. И они уйдут.

Налысо стриженные бычки замерли, заметив Лену. Напряглись и приняли свирепый вид. Для этого им стоило всего лишь насупиться. Ручищи у них были так накачены, что не опускались вертикально, а только дугообразно. На громоздком теле небольшие лысые головы смотрелись, как кнопки переключателя на какой-нибудь механизированной кувалде, задействуешь – и пойдет глухое монотонное молотилово: бу-бум, бу-бум, бу-бум, бу-бум.

– Ну, что, шкурка, расслабилась совсем? Про деньжата подзабывать стала? Жизни радуешься, шмара? Вялый велел тебе передать, что он ждет. А долго ждать он не будет. Терпение у него кончится – а что тогда будет – сама догадываешься. Догадываешься или намекнуть?

– Все знаю, все знаю...

Видимо, это прозвучало слишком формально. Видимо, потому что один из бычков изловчился, выхватил у Лены сумку и стал в ней копаться, приговаривая:

– Ну, что тут у нас интересного? О! Ключи! Ключики от квартиры, где деньги лежат. Может, пойдём, развлечемся, а? Шкурка? Пока мужа-то нет дома, а?

– Мы с Жорой, – сказала Лена, стараясь сохранять спокойствие, – обо всем договорились. И если вы сейчас же не перестанете превышать свои полномочия, я буду вынуждена сообщить ему, что он нарушает свои обязательства.

Эта речь оказалось слишком сложной для бычков, они призадумались. В образовавшейся паузе Лена решила закрепить успех: она вырвала из рук бычка свою сумку и, стараясь никакими эмоциями не окрашивать свои слова, спокойно произнесла:

– Передайте Жоре, что я сдержу слово: деньги будут в срок. Не надо так часто мне напоминать. И Вялому своему передайте: я свое слово сдержу – пусть и они свое слово держат. Обещали оставить меня в покое на месяц. Так пусть оставят.

И Лена, не оборачиваясь, пошла прочь. Когда за ней закрылась дверь подъезда – прислонилась к холодному металлу спиной, унимая дрожь в теле. Это должно кончиться. Это должно когда-нибудь кончиться. Должно! Должно! Должно!

* * *

Свою кликуху – Вялый – Сергей Чекин получил за то, что сызмальства во время самой невинной драки апатичным, каким-то даже сонно-равнодушным движением мог вытащить из кармана нож и бесстрастно зарезать противника, который никак не рассматривал подобный вариант в числе адекватных мер. Десять лет Вялый отсидел за убийство и в зоне пользовался авторитетом, ломом не подпоясывался, имел поддержку от блатных, потому чалился с комфортом и уютом, но, выйдя на волю, больше решил не попадаться. Сергей Чекин в духе времени сколотил бригадку тупорылых, готовых на все зеленых качков. Пригрел сопливого интеллигента Жору Грушина, которого отбил в зоне у дебильных отморожков. Жора не был уголовником и в зону попал случайно, задавив на машине переходившего в неположенном месте пьяного. Однако суд посчитал, что раз есть труп, должен быть и виноватый, и изолировал Георгия Васильевича Грушина от общества на четыре года. В колонии для впервые оступившихся Жора, защищаясь от группы товарищей, двух любителей петушатины сильно покалечил, а одного и вовсе лишил права на жизнь.

Так Грушин оказался среди особо опасных. Уголовники интеллигента невзлюбили и, если бы не Серега Вялый, представителю гнилой прослойки пришлось бы в колонии горько.

Благодарный Жора, за время отсидки привыкший к новой среде обитания, выполнял у Вялого роль мозгового центра. Жора также считался глубоким психологом, да и вправду иногда давал дельные советы братве. Сергей Чекин зарегистрировал охранную фирму, взяв деньги из общака, для раскрутки снял офис в симпатичном особнячке в центре и стал работать. Лично он закон решил больше не нарушать. Ну, а что там творили его подчиненные, так они совершеннолетние, слава богу, и сами несут самостоятельную ответственность за содеянное.

Фирма в рекламе не нуждалась. Но иногда, для остротки, давала объявления в газету: «Поможем решить проблемы с долгами». Такая официальность и неприкрытая гласность положительно воздействовала на должников. В том смысле, что они понимали: деваться им некуда.

* * *

– Лена, делай как хочешь, делай как знаешь. Раз уж ты взялась за это – делай как знаешь. А то потом скажешь: все из-за тебя сорвалось, из-за тебя... Но скажи мне, зачем ты так много врешь? Зачем? Ведь обязательно запутаешься.

– Ты ничего не понимаешь! Витенька, ничего-то ты не понимаешь! Главное – это насытить схему деталями. Детали – совершенно необходимы для убедительности. Чем больше деталей – тем правдоподобнее выглядит рассказ. Закон жанра! Детали, детали, чем больше деталей – тем лучше.

– Но это очень обременительно – запоминать их.

– Ничего, у меня получится. У меня все получится. У меня всегда все получается, если мне не мешают.

– Разумеется.

– Виктор! Твой сарказм – неуместен.

– Какой сарказм? Что я такого сказал?

– Да, у меня всегда все получается!

– Конечно, Лена, конечно...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Да ничего.

– Ты хочешь сказать, что я неудачница! Ты понимаешь, что оскорбляешь меня этим?

– Лена, дорогая, у меня и в мыслях не было ничего подобного. Уверю тебя.

– Твоя ирония по отношению ко мне... Чем я ее заслужила? Разве я не стараюсь для нас обоих?

– Лена, возьми же себя в руки, черт возьми! Успокойся!

– Тебе хорошо говорить, Витя. Ты ежесекундно оскорбляешь меня своим ироничным ко мне отношением, а я еще и «успокойся». Я же еще и истеричка!

– Ты самая замечательная...

– Ты издеваешься...

– Я говорю чистую правду.

– Врешь!

– Чистейшую!

– Нет.

– Лена, Ленусик...

– Пусти меня, ты издеваешься.

– Никогда!

– Что – никогда?

– Не пущу и не издеваюсь.

– Ты меня не любишь!

– Люблю. И еще как. Не вырывайся.

- Нет!
- Да!
- Я тебе нужна только для секса.
- И для секса в том числе.
- Вот видишь...
- Вижу. Ты очень красивая. И я тебя люблю. И ты это прекрасно знаешь.
- Знаю...

* * *

Возможно, Виктор и в самом деле был маменькиным сынком, как утверждала Лена. Во всяком случае, мама его действительно очень любила. И он всегда принимал доброжелательное отношение к себе как естественное, единственно возможное. Впрочем, точно так же и он сам относился к людям. Он любил их как вид, вообще ни за что и за отдельные достоинства, которые Виктор умел раздувать в своем воображении до исполинских размеров. О недостатках, изъянах и даже пороках, свойственных людям, ему было думать неприятно. И он – не думал. Он вообще не делал того, что ему было неприятно. До поры до времени, конечно. До тех пор, пока не окончил школу и не поступил в медицинский институт.

В медицинский институт Виктор поступил исключительно из соображений высшей гуманности. Он решил посвятить свою жизнь борьбе с человеческими страданиями и болезнями. Он видел себя в развевающемся белом халате, быстро идущим по коридорам больницы, окруженным едва поспевающими за ним медсестрами. Вот он входит в операционную, берет скальпель в руки и... больной, еще минуту назад считавшийся обреченным, счастливо и благодарно улыбается. Виктор вообще был крайне романтичным юношей.

Однако на пути к радостной улыбке спасенного пациента, откуда ни возьмись, возникли тонны раскромсанных лягушек и горы вскрытых в морге человеческих трупов. Виктор при виде крови падал в обморок весь первый курс. Потом он настолько закалился и поднаторел, что порой собственноручно отважно резал тела в анатомичке, а затем был еще и в состоянии самостоятельно добрести до туалета и вполне хладнокровно и невозмутимо блевать там в одиночестве. Так было все время его учебы в институте. К счастью, в годы, когда Виктор Евсеев учился, в нашей стране в медицинских институтах начали создавать спецсеминары по психотерапии. Надо ли говорить, что эту науку, практически не касающуюся в предмете своего изучения внутренних органов человека, молодой врач взялся постигать с энтузиазмом и благодарностью.

При этакой девичьей нежности и впечатлительности Виктор имел вид вполне маскулинный, голос низкий и твердый, а с годами в его лице появилась даже некоторая суровость. Его всегда уважали сверстники – он внушал им благоговейное почтение своим великодушием и чувством справедливости. Даже самым хулиганистым и неуправляемым пацанам во дворе ни в жисть не приходило в голову задеть – словом ли, делом ли – Витьку Евсева, благородного идалго, готового ради друзей снять с себя последнюю рубаху и поделиться последним куском хлеба (что неоднократно и случалось).

Впервые Виктор столкнулся с недоброжелательной завистью уже в институте. И крайне удивился проявлению этого противоестественного, по его мнению, чувства. Тем более удивляло Виктора то, что адресатом самой черной зависти может быть он сам. Виктор не считал себя уникальным. В то время он еще думал, что все вокруг так же, как он, добры, красивы, талантливы и великодушны. Виктор скорее согласился бы со справедливостью насмешек в свой адрес. Как же, взрослый парень падает в обморок! Забавно! Но над Виктором никто никогда не потешался. Что вызывает насмешки? Нескладность, беспутность, безалаберность... Эдакие незначительные, легковесные изъяны. Ну, и глупость, конечно, пошлая амбициозность и самоуверенность. При всех своих слабостях Виктор был не смешным, не смешным – и все тут.

По окончании института Виктор, движимый благородными идеями служения людям, отказался от аспирантуры и попросил распределения в загородную психбольницу, откуда его быстренько выжили склонные к воровству и пьянству сослуживцы. Виктор был чужой для них. Они это чувствовали при первом же мимолетном взгляде на него, словно звери, по запаху распознавая в нем чужака.

Женщины, привлеченные его мужественной красотой, роились вокруг него тучами. Но, слишком близко приближаясь и понимая, что жизнь с Виктором не сулит никаких материальных дивидендов и даже минимальной стабильности, скоро отваливали на поиски более приспособленных к суровой действительности особей сильного пола. И Виктор равнодушно смотрел вслед ветреным возлюбленным, совершенно не огорчаясь таким поворотом событий. Суперманистая внешность Вити Евсеева прельщала только очень красивых и очень уверенных в себе женщин. Потому что не очень уверенным в себе и не очень красивым всегда ошибочно кажется, что сказочные принцы не про них. Поэтому не очень красивые и не очень уверенные всегда утешают себя мыслью, что даже самые сказочные принцы при такой сногшибательной красоте становятся либо прощелыгами, либо актерами и уж во всяком случае – не мужьями, за спиной которых можно быть хорошей женой и доброй матерью семейства. А Виктор, в свою очередь, не любил очень уверенных в себе женщин, поскольку семейную миссию свою видел в защите и опеке. На протяжении многих, многих лет происходила эта досадная нестыковка. Но Виктор был максималистом и идеалистом.

Не то что он вовсе не знал, что в мире существует подлость, жадность, трусость и прочие пороки. Он был достаточно начитан, чтобы понимать, «как жизнь страшна». Виктор был и достаточно хорошо воспитан, чтобы везде вести себя адекватно обстановке – чтобы люди любого социального статуса и любого уровня духовного развития чувствовали себя комфортно в его присутствии. Он был достаточно тонок (к тому же профессионально подкован), чтобы понимать психологию поведения окружающих его людей. Но ему было скучно принимать участие в том, что он видел вокруг себя. Уволившись из психбольницы, Виктор устроился дворником и каждое утро убирал свой двор и два соседних. Родители переживали, но, будучи людьми интеллигентными, не вмешивались в жизнь взрослого сына.

В период работы дворником Виктору дали крохотную каморку – служебную площадь. И он стал совершенно независим от родителей – чем справедливо гордился. И было чем: практически всем его сверстникам без согласования с родичами некуда было даже девушку привести на рюмку чая. И вообще территориальная самостоятельность диктовала совершенно особый образ жизни – свободный.

Справившись со своими дворническими обязанностями, Виктор шел домой читать, или в библиотеку копаться в книгах, или в гости к приятелю-истопнику, доктору исторических наук, отдалившемуся на время от проблем права и социального устройства государства скифов, дабы написать роман века. В те спокойные годы так называемого застоя дворники, сторожа и истопники занимали первые места по уровню образования и количеству ученых степеней.

Но вот настали годы другие. И Виктор Евсеев стал пытливо наблюдать взвихрившуюся вдруг вокруг него активность людей, которые презрительно считали его неудачником. Оказывается, они все эти годы его помнили. Оказывается, все эти годы они мечтали с ним работать, но не было возможности («Ты ж все понимаешь, чувак!»). Но зато теперь... Приезжает известный американский психоаналитик вести семинары для наших специалистов. А переводить некому. Переводчик мало того, что должен чувствовать нюансы языка, но и должен хоть чуть-чуть разбираться в предмете. Нет такого переводчика. «Витя, если у тебя найдется время, может быть, ты сможешь, мы хорошо заплатим. Витя, выручи». Издательства кинулись удовлетворять спрос на психологическую литературу, наши психотерапевты с книжками еще не подспели, но зато имеются в наличии тонны подобных на английском, французском, немецком языках. Кто переведет? Переводчиков-то масса, но есть один, который «в предмете» и в состо-

янии адаптировать психологию Тома и Джерри к менталитету Ивана и Марьи, что достаточно непросто. К тому же может и сам найти в море шедевров библиотерапии хорошую книжку для перевода. Кто такой? Виктор Евсеев. Где он?! Подать сюда! Занят? Уговорить, упрямый, заплатить побольше – лишь бы перевел. По стране, объята стрессами перестройки, широкой поступью зашагала психотерапия во всем многообразии своих жанров – от частной задушевной беседы один на один с доктором до едва уместившихся на стадионах толп алчущих душевного покоя, а также успехов в делах и личной жизни. Многочисленные администраторы, устроители и менеджеры принялись рыскать по стране в поисках людей, способных обслужить возникшую у населения потребность. Молодой, красивый, хорошо образованный, вызывающий доверие и к тому же кое-что петривший в психологии и психотерапии Виктор Евсеев был верной ставкой на пути к немалым деньгам. На него и ставили – много и охотно. От стадионов Виктор отказался сразу и безоговорочно. Но группы психотерапевтические вел с удовольствием. Он, в сущности, любил свою профессию. К тому же администратор освобождал его от всей материальной и организационной суеты. Что еще нужно человеку, увлеченному своим делом?

Но этот благодатный период длился недолго. Откуда ни возьмись, явились «психотерапевты» и целители-маги, которые брались за один сеанс излечить от всего и сделать счастливыми тысячи людей одновременно. Да еще вдобавок снабдить желающих ведрами «заряженной» воды, гарантирующей все блага мира. Профессионалы пожимали плечами, негодовали, недоумевали, но интеллигентная ученость всегда проигрывает перед воинствующим невежеством, тем более если оно начинает свой крестовый поход за денежными знаками. Администраторы, устроители и менеджеры с воодушевлением переключились на то, что приносило весомые плоды. По сути, им было абсолютно все равно, что продюсировать. У интеллигенции, которая понимала разницу между хорошо образованным психотерапевтом и субъектом, берущимся за один час решить проблемы, над которыми человечество бьется веками, не стало денег даже на нормальную еду, не говоря уже о прочем.

Тем не менее кое-какая клиентура у Виктора оставалась, переводы – тоже. Но чтобы заработать на среднюю продовольственную корзину, надо было вкалывать все больше и больше. Виктор по 18 часов в сутки сидел либо над переводами, либо с очередным пациентом, корректируя пограничное состояние психики, при этом с удивлением замечая, что уровень жизни его становится все ниже и ниже. Настал день, когда Виктор Евсеев мужественно посмотрел правде в глаза и заметил, что оказался на обочине времени, что основные события происходят где-то рядом и жизнь несется мимо, мимо, мимо...

Необходимо было осмелиться на что-то конкретное. Либо согласиться с таким порядком вещей, перестать барахтаться и, рыская по магазинам в поисках дешевой еды, провожать голодным взором чей-то белый шестисотый «мерседес», довольствуясь мыслью о том, что все на свете – воры и проходимцы и что интеллигентному, тонкому, одухотворенному, честному человеку нет места в этом мире алчности и чистогана. Либо подумать, как, используя свой интеллект, все же вскочить на подножку мчавшегося в капитализм поезда.

В этот непростой момент своей жизни Виктор встретил Лену. И это обстоятельство решило его судьбу.

* * *

Юля не мигая смотрела на лепесток цветка, призванного украсить чашку.

– Ты же прекрасно все понимаешь, – говорил Алеша.

Юля покорно кивала:

– Да, понимаю.

– Тогда зачем мы это обсуждаем?

– Потому что если мы сейчас не заплатим за то, чтобы нам как следует проверили квартиру, нас могут надуть так, что мало не покажется, – робко пролепетала Юля.

– Боже мой! – воскликнул Алеша. – Ты везде видишь обман.

– Да. И лучше перестраховаться, чем потом грызть локти, – упрямо заметила Юля, не переставая созерцать рисунок на фарфоре. – Я не умею проверять квартиры. Каждый должен заниматься своим делом. Нужно найти деньги, заплатить человеку, который сможет это совершить. Скупой платит дважды.

– Ты хочешь сказать, что я скупой?

– Алеша...

– Я скупой, значит, по-твоему?

– Лешенька, не надо... Ты прекрасно знаешь, что я так не думаю...

– Стало быть, я жадный?

– Леша...

– Дождался благодарности!

– Алешенька, это просто поговорка такая – скупой платит дважды. Английская причем. Но ты же понимаешь: мы не можем рисковать. Я не смогу проверить эту чертову квартиру – у меня ни мозгов не хватит, ни знаний. И ты не сможешь – у тебя нет времени. А проверить надо. Ты согласен? Надо проверить?

Алеша помолчал и согласился:

– Надо.

– Вот видишь, – воодушевилась Юля, – а две тысячи долларов, в конце концов, погоды не делают. Зайдем.

– Может быть, ты и права, – сдался Алеша.

Юля поощрительно кинулась ему на шею. «Невроз, невроз, – пронеслось у нее в голове, – любовь – это невроз...»

– Я всегда права, – прошептала, – ты же знаешь, я всегда и во всем права.

На следующий же день Юля отправилась к умудренной жизнью адвокатессе, отнесла ей листочек со всеми данными о квартире на Коммунистической.

– Когда можно будет узнать результат?

– Через неделю, – ответила адвокатесса, – задаток в количестве пятидесяти процентов от договоренной суммы – вперед. И то, заметьте, это ниже низшего предела. Другие сразу все вперед берут.

– У меня с собой нет таких денег, – растерялась Юля.

– Ничего страшного, принесете завтра утром, – милостиво разрешила юристка и широко растянула по горизонтали губы.

Глава 4

Екатерина Васильевна Белова – член коллегии адвокатов с почти пятнадцатилетним стажем, опытный юрист и не менее опытная женщина любила русскую классическую литературу. Она восторгалась ею, перечитывала ее в немногие свободные часы отдыха, бережно собирала лучшие ее произведения в лучших изданиях. Ее мать – учительница-филологиня – привила ей такое серьезное и обстоятельное отношение к литературе. «Учебник жизни, – восторженно говорила мать Екатерины Васильевны, – русская классическая литература – это учебник жизни. В России, в силу многих причин – в том числе и по причине затянувшегося крепостного права, которое, несомненно, задержало развитие демократии, литература никогда не была только лишь изящной словесностью...»

Любимым Катиным параграфом в этом учебнике жизни была пьеса времен когда-то уже один раз нарождавшегося в России капитализма – «Волки и овцы». Катя считала данное произведение гениальным и совершенно недооцененным. При этом Катя с молодых ногтей чувствовала, что она совсем не овца. Отнюдь.

Екатерина Васильевна подошла к нужному дому по Коммунистической улице и огляделась внимательно и подробно. А ничего местечко, да и кирпич солидный у строения. Губа не дура. Зашла в подъезд и скривила нос: дом-то ничего, да народец, его населяющий, явно не высший класс. Мусоропровод воняет, стекла выбиты, лестницу не мыли месяца два... Ну, да ничего. Нынче все меняется, и меняется – быстро. Достаточно одному новому русскому прикупить здесь квартиру – и все будет чистотой сиять и сверкать.

Екатерина Васильевна не поддерживала эти псевдоинтеллигентские, чистоплюйские, в жопку иголкой, как сказали бы в народе, подхихикивания над новыми русскими. Да, ее покойная матушка – эдакая экзальтированная гуманитарка, считавшая, что и Катя всю жизнь должна косить под тургеневскую барышню, если бы была жива, должно быть, тоже демонстративно брезговала бы новыми хозяевами жизни. Что верно то верно, все эти страны и континенты со своими многовековыми традициями вечно ими брезговали, *poivreauçiche* – говорят о них в чопорной Европе. Новый богатый, выскочка, дескать. В Америке же о них уважительно скажут: «Человек, который сделал себя сам». И в самом деле, за что, собственно, презирать человека, который хочет лучшей доли для себя и своих детей? Ну а то, что при разделе собственности все первоначальные капиталы наживаются несправедливым путем – это уже аксиома, что называется, плата за страх. Не по хорошему-де мил, а по милу хорош.

Не так давно была очередная встреча выпускников их владимирской школы. Екатерину Белову, если она приезжала из Москвы, всегда на этих вечерах просили выступить, знали, как она умеет красиво, проникновенно и убедительно говорить о пользе знаний, полученных в здешних стенах. Екатерина Васильевна иногда приезжала на эти вечера – раз в пять лет поинтересоваться, что стало с ее одноклассниками – иногда бывает полезно посмотреть в глаза своему возрасту, чтобы не купаться в нелепых иллюзиях по поводу вечной молодости.

Екатерина даже позволяла себе расслабиться на этих встречах, сентиментальничала. В ответ на чьи-то возмущения о современных «крышах», ростовщиках и прочих выбивателях долгов однажды обронила: «Мой знакомый полмиллиона долларов долгу выбить не может. И ничего. Кого он только не нанимал – и бандитов, да он и сам бандит, и милицию, и фээсбэшников. И все – пустой номер. А тот, кто ему должен, даже и не скрывается. И не отрицает, что должен. Но и не отдает. Может, у него своя правда. Так что никогда ничего бояться не надо». И поймала на себе возмущенный взгляд Верки Никодимовой. Верка Никодимова всегда возмущалась Катиным отношением к жизни. Ну и дура.

Вот итог жизни Никодимовой. Ее, никодимовские дети – голь перекатная – с такой мамочкой тут сухари грызут, тоже в Москву подались, и все на работу не могут устроиться,

потому что теоретическая физика, которой их от большого ума выучила Никодимова, – никому тут не нужна, а газеты у метро продавать – они брезгают, высокодуховные потому что очень. Хотя тоже непонятно это. Если всякий труд в почете, то что ж тогда морду воротить от физического труда? А-а. Вот так-то. Потому что позиция этой Никодимовой – сплошное лицемерие. Сплошное!

Катя думала: ладно, провинция, в Москве будет все по-другому. Приехала, поступила в университет на юридический. Вроде, действительно, все по-другому. А в сущности-то, в глубине – все точно так же. То же лицемерие. Сколько визгу было, когда на факультете узнали, что Катя Белова подрабатывает грелкой! Боже мой! Как у всех полезли глаза из орбит, как все испугались! Ну и что? И подрабатывала. И за счастье считала. Шутка ли – студентке 150 рублей в месяц заработать. Да мамочка во Владимире за эти деньги каждый день по несколько часов кряду оболтусам вдалбливала, чем отличается Базаров от Евгения Онегина. А она, Катя, такую работу себе нашла, что ни за что эти сто пятьдесят платили. Старичка одного ночью грела. Просто спала с ним в одной постели – без всякого там. Да он и не мог уже ничего. Ему сто лет в обед. А тепла и ласки хотелось. И мерз ночами. Ну и что тут плохого? Чуть из университета не исключили. Ору было, ору. А Катя встала на собрании и сказала: «Вот вы, будущие юристы, сейчас меня исключите ни за что! Жизнь мне сломаете! И на вас всю вашу оставшуюся жизнь будет это клеймо несправедливости!» А они загалдели: «Как это ни за что? Что это ни за что? Теперь что, каждая так поступать будет? Аморально! Бесстыдно! Позорит! Нельзя терпеть! Роняет высокое звание юриста!» А Катя подумала, что каждая так поступать не будет. Потому что такого золотого старичка еще отыскать надо! На дороге-то такие старички не валяются! А вслух сказала, причем с живым негодованием: «Вы юристы и должны понимать цену доказательств. Мало ли что кому известно! Вы докажете это, что я со старичком за деньги спала? Докажите! Если докажете – ваша будет правда. А нет – так оставьте меня в покое! Не тридцать седьмой год! А восемьдесят второй!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.